

Людмила Милевская

Зид транспорта- мужчина

ИРОНИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Людмила Ивановна Милевская

Вид транспорта – мужчина

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=121810

Вид транспорта – мужчина:

ISBN 5-699-00157-3

Аннотация

Когда у тебя три сестры, то и проблем в три раза больше, чем обычно. А если к тому же все сестры близнецы, то количество неприятностей растет в геометрической прогрессии. Денисия, единственное разумное существо из этой четверки как она сама о себе думала, вечно влипала из-за своих непутевых сестриц в истории. Вот и сейчас пришлось лезть в чулан, прятаться от банкира мужа Зойки, который терпеть не мог родственников жены. Но чего ради сестры не сделаешь! Сидя среди веников и ведер, Денисия сначала с изумлением, а потом и с все растущим подозрением и страхом прислушивалась к разговору банкира с каким-то Карлушей. Они говорили о том, как удачнее... убить Зойку!

Содержание

Анонс	5
Часть I	6
Глава 1	7
Глава 2	20
Глава 3	30
Глава 4	38
Глава 5	52
Глава 6	62
Глава 7	73
Глава 8	85
Глава 9	95
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Людмила Милевская

Вид транспорта – мужчина

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Анонс

Когда у тебя три сестры, то и проблем в три раза больше, чем обычно. А если к тому же все сестры – близнецы, то количество неприятностей растет в геометрической прогрессии. Денисия, единственное разумное существо из этой четверки – как она сама о себе думала, – вечно влипала из-за своих непутевых сестриц в истории. Вот и сейчас пришлось лезть в чулан, прятаться от банкира – мужа Зойки, который терпеть не мог родственников жены. Но чего ради сестры не сделаешь! Сидя среди веников и ведер, Денисия сначала с изумлением, а потом и с все растущим подозрением и страхом прислушивалась к разговору банкира с каким-то Карлушей. Они говорили о том, как удачнее... убить Зойку!

Часть I

Ни для кого не секрет, что самый доступный и распространенный вид транспорта – это мужчина. Кто только не ездит на нем: жены (свои и чужие), тещи (свои и чужие), дети (свои и чужие), любовницы (а теперь уже и любовники)...

Можно продолжить список ездовых. Скажу больше, этот список неисчерпаем. Почему? Да потому, что наш мужчина пошел дальше своих предшественников. Он уже не желает ограничиваться одной женой, от чего сам и страдает, получая в нагрузку лишнюю тещу, лишнего тестя... Короче, много лишней родни. Правда, он резко сократил количество детей, но его пробег от этого не уменьшился. По данным науки, современный мужчина наматывает в день до ста километров и более.

Многие из них (увы) делают это пешком...

В мире все стремительно преобразуется: на смену дилижансам пришли поезда, на смену поездам – самолеты, не за горами те дни, когда человечество пересядет на космические аппараты, когда столичный стилиста будет мечтать о новенькой летающей тарелке, но...

Но это ничего не меняет. Мужчина для женщины по-прежнему является главным средством передвижения по жизни – самым быстрым и, самым доступным.

Глава 1

«Шея уже затекла. Пора перекур делать», – потрянув челкой и распрямляя усталую спину, решила Денисия.

– Кстати, Лар, как твой сынуля? – дежурно поинтересовалась она, уходя в себя и механически массируя затылок.

Лариса преобразилась. Мгновенно отодвинув от себя старофранцузский словарь, она защebetала:

– Ой, Денька, мой Зюзик становится очень забавным. В доме ремонт, а Зюзик счастлив. Лезет везде, мешается, достает Рашида вопросами. Знаешь, какое у него теперь самое любимое слово?

– Какое?

– Ебанок.

Денисия растерялась, но Лариса ее успокоила:

– Не пугайся, это всего лишь безобидный рубанок в исполнении моего сына. У Зюзика образовалась жуткая информационная жажда. Все улавливает, как губка впитывает и такое потом выдает, что все держатся за животики.

– Вот хохмач.

– Спрашивает на днях: «Папа, что такое фураж?»

Рашид объясняет: «Корм для скота и все такое...» – «Ага, – делает вывод мой Зюзик, – значит, кураж – это корм для кур».

– Гениально! – восхитилась Денисия.

Лариса зарделась от удовольствия и продолжила:

– А вчера мы были в цирке. Вдруг объявляют:

«А теперь выступит женщина-змея!» Мой Рашидик возьми да брякни: «Глянь, Ларка, коню ясно, что все женщины змеи, но эта даже не скрывает». И что ты думаешь, Зюзька подслушал и тут же, когда вернулись домой, заявил нашей соседке: «Здравствуйте, тетя Венера-змея». Та, разумеется, ушла в откат, а он ей: «Извините, все женщины змеи, но я не знал, что вы это скрываете». Я Рашида своего чуть не убила, – заключила Лариса и рассмеялась.

Денисия посмотрела на нее с завистью и сказала:

– Счастливая ты, Ларка. Всегда у тебя настроение хорошее.

– Какая я, к черту, счастливая? – отмахнулась та. – У меня на руках муж, ремонт и ребенок. Причем ребенок доставляет меньше всего хлопот.

Она глянула на часы и всполошилась:

– Денька, за дело. Что-то плохо сегодня движется наш перевод, а через два часа я должна быть в редакции., Денисия виновато пожала плечами:

– Самочувствие скверное. Думаю, слегка переутомилась на приеме вчера. В преддверии таких приемов отдыхать надо, а я пашу без продыху. Кажется, в голове тараканы уже завелись.

– Эхе-хе, – вздохнула Лариса, – жизнь наша бешеная. Действительно можно умом тронуться при такой загрузке. День

расписан буквально по минутам, везде опаздываю, все меня костерят. Раньше хоть дома относительный покой был, теперь же, когда со мной приключился этот ремонт, жизнь стала невыносима. Знаешь, подруга, крыша едет аж бегом. Пора обращаться к психиатру.

– Ой, пора!

– На кровать упаду, глаза закрою, а вместо сна звуки в ушах, ритм сумасшедший: «Гой-гой-паду-да жи-жи-ту-ру-ру...» Как тут не материться? Марш моей жизни вместо сна.

– Да ты что? – ужаснулась Денисия.

– Клянусь моим Зюзей. Вот оно, мое женское счастье. А если каким-то чудом заснуть ухитрюсь, мой тут как тут с дельным предложением.

– С каким?

Лариса горестно закатила глаза:

– Ну ты, блин, как маленькая. Известно с каким.

Какое еще дело мужику в два часа ночи делать приспи-чит? Не кран же чинить. И что удивительно, всегда не во-время его на подвиги тянет. Как тут не материться? И нет чтобы с ласки начать, он сразу с угрозы. «Только попробуй мне, – говорит, – заявить, что у тебя плохое самочувствие». «Нет, – отвечаю, – самочувствие у меня завидное, а вот са-мочувствие отвратительное». Он сразу в крик: «Затрахали меня твои критические дни! Через них скоро импотентом стану». Я ему: «Рот закрой, ребенка разбудишь». Вот и вся любовь.

– Он не обижается? – с тревогой поинтересовалась Денисия.

Лариса обреченно махнула рукой:

– Уже привык. Честное слово, эта гонка за бабками добром не закончится. Мой прав: скоро, блин, будем все как один припадочными, но зато в норках, бриллиантах и на «мерсах». Как тут не материться?

Вот прикинь, вчера сумасшедший гонорар получила, а радости ноль. На душе сплошной непокой. Так, без всякого удовольствия, шубку из стриженной норки себе и купила. Пришла домой, глянула в зеркало – зашибись. В редакции все бабы будут в отпаде. Одним походом в «шоп» задаваку Козлову, с ее сраным песцом, ниже плинтуса опустила. Кажалось бы, радуйся, а на душе, кроме смятения и тревоги, ничего.

– Ты знаешь, то же самое и у меня, – призналась Денисия.

– Что? – испугалась Лариса. – Тоже шубка из стриженной норки?

– Да нет, у меня только смятение и тревога. Так и кажется, за поворотом беда.

– Ты даже не представляешь, как я тебе сочувствую! – вздыхая с облегчением, воскликнула Лариса.

«И есть чему», – уныло подумала Денисия.

Действительно, ощущение беды доставало с утра, и Денисия не могла понять почему. Вчера (вот повезло!) побывала у французского посла на приеме, сегодня премию получила...

Конечно, не такой гонорар, как у Ларки, шубку из норки не купишь, но при нашей бедности ничего...

Можно было бы все спихнуть на погоду, но противное мокрое ненастье давно сошло, затих пронизывающий до костей ветер, ударил легкий приятный морозец, и выглянуло наконец солнышко. Оно не очень-то грело, но зато светило с ярким озорством, наполняя девичью душу Денисии иллюзией скорой весны. Казалось бы, все хорошо, но беспричинное ощущение непредотвратимого горя поселилось в груди, пугало и ныло.

Так уже было. Перед смертью матери.

Мать долго болела, все реже звучали ее наставления, все чаще ложилась вялая ее рука на стриженный затылок Денисии и с неожиданной силой тянула непокорную голову дочери к своим бледным губам. Денисия целоваться совсем не хотела.

Она рвалась от безжизненной материнской кровати к детской бесцельности и суетне, нетерпеливо приговаривая: «Ну, мам, ну, я пойду». Расходуя последние силы, мать упрямо притягивала к себе лоб дочери, сосредоточенно опечатывала его поцелуями и со словами: «Мое ты горе», – отпускала Денисию на волю, а сама, утомленная, падала на подушку и отворачивалась к стене, пряча набежавшие слезы.

Денисии говорили, что мать больна, но трагическую важность этого события понять она не могла, как не могла осознать ценности святого материнского поцелуя. Эта ценность пришла позже и слишком поздно. Тогда же, в те страшные

дни, беззаботная Денисия радовалась смертельному недугу мамы, несшему ей бесконтрольность и полную свободу.

И Денисия с восторгом пользовалась этой свободой, моля бога лишь об одном: чтобы мать подольше болела. Ее беспечный веселый мир был далек от унылой, пропахшей лекарствами кровати, и для матери, как это ни жестоко, в этом мире места не находилось.

Денисия пребывала в свойственном молодости и здоровью эйфорическом ощущении подъема. Серьезных печалей не знала она пока.

Лишь в день смерти матери ей было не по себе: в груди как-то странно сдавило и долго не отпускало.

В тот день в их ежеутренней борьбе мать снова вышла победителем, но, орошая поцелуями непокорный дочкин лоб, она не сказала: «Мое ты горе». Она растерянно выпустила из себя: «Как ты будешь без меня, мое ты чудо...»

Слов этих Денисия не поняла и тут же забыла, но на уроках в школе страхом и болью ныло в груди, а когда она вернулась домой, матери уже не было.

Тот день изменил беззаботное существование Денисии, разделил ее жизнь на «до» и «после». И началось все с этого нытья под сердцем, с этого непонятного страха, с необъяснимой боли.

Почему ей сегодня вспомнился тот страшный день? Да из-за этой же боли и вспомнился.

Грустные мысли (и слава богу) прервал телефонный зво-

нок. Звонила Степанида, сестра. Младшая.

Как всегда, обращалась за помощью.

«Иметь трех сестер – еще тот подарок судьбы», – подумала Денисия, сердито опуская трубку на теле фон и приходя к выводу, что в ее случае это даже кара господня – работать приходится за четверых.

– Что случилось? – встревожилась Лариса, замечая недовольство подруги.

Денисия сдула со лба челку и раздраженно махнула рукой:

– Родственнички замучили.

– Кто из них на этот раз?

– Степка звонила.

Лариса изумилась:

– Неужели опять просила продавать ее пирожки? Ну и наглость! Просить тебя об этом – все равно что микроскопом гвозди забивать. Дура будешь, если снова пойдешь.

– А куда деваться? – вздохнула Денисия. – Понимаешь, у Степки период такой. Ее дальнейшая судьбина решается.

– Чего ж тут непонятного, – ядовито рассмеялась Лариса. – С тех пор как твоя старшая сестрица вышла замуж за банкира, остальные будто взбесились. Всем им не хуже банкира мужей подавай.

– С тех пор как наша Зойка вышла за банкира, ты ее просто возненавидела, – удивляя подругу, вставила шпильку Денисия и тут же виновато добавила:

– А ведь когда-то ты любила ее, даже в пример мне ста-

вила.

Лариса мгновенно разгорячилась.

– Да, – нервно постукивая пальцами по столу, призналась она, – да, с тех пор как Зойка вышла за банкира, я перестала ее любить. Встречи с ней всякий раз оставляют в душе след непоправимого горя: кому-то все, кому-то ничего. Как я живу? Что я вижу? Радуюсь шубке? Да у Зойки их пруд пруди, а я пашу, как папа Карло, за зарплату, а получается бег на месте. Просто «Алиса в стране чудес» какая-то: для того, чтобы оставаться на месте, приходится бежать в два раза быстрее. А тут Зойка со своим банкиром. Как тут не материться? А как она гордится собой! А как хвастает!

– Пусть так, – согласилась Денисия, – но что в этом плохого? Да, Зойке нашей, слава богу, повезло...

Лариса ее оборвала:

– Но это еще не повод, чтобы унижать своих подруг. Особенно тех, которые в люди ее вывели. Ха!

Из грязи да в князи! Гордится она. Было бы чем гордиться. Банкир через день ей морду бьет, а она гордится. И остальные дуры туда же, за ней. Особенно глупила Степка. Из кожи вон лезет, принцессу из себя строит, а ты давай, за нее пирожками торгуй.

Тут уж Денисия не выдержала и встала на защиту младшей сестры.

– Да, не хочет Степка упустить завидного жениха! – повышая голос, воскликнула она. – Но ведь действительно такие,

как ее Гарик, на дороге не валяются. Сама понимаешь, если он узнает, кто Степка и откуда да еще кем работает, сразу шарахнется. Москвичи как черт от ладана шарахаются от лимитчиц.

– Пусть хоть работу поменяет, – уже миролюбиво посоветовала Лариса, но, не выдержав, тут же ядовито спросила:

– Почему бы удачнице Зойке не устроить младшую сестричку к своему банкиру?

Денисия, мрачняя, призналась:

– Да на нюх нас банкир не переносит. Чмошницами обзывает всех, даже здороваться брезгует.

А Степка своей работой довольна. Хозяин прилично платит, не притесняет, да и пирожками она не каждый день торгует. Раз пять в месяц, не больше.

– Степанида наторгует, – фыркнула Лариса. – Все пять дней торгуешь именно ты, добрячка, мать твою. Слушай, не выводи меня лучше, а то заматерюсь.

Это она могла – Лариска была известная матерщинница. В своей редакции такой мат гнула, что мониторы краснели. В присутствии Денисии она сдерживалась, но кто бы знал, чего ей это стоило. Вот и сейчас, беззвучно пошевелив губами, Лариска оставила все матюки в себе, полушутливо-полусерьез перекрестила свой рот и горестно запричитала:

– Ох, Денька, попомни мои слова: уездят тебя неблагодарные сестрицы. Они, видишь ли, женихов искать приперлись в столицу, а на тебя им плевать.

Попользуются и забудут. Много Зойка о тебе вспоминает? Только тогда, когда ты ей нужна, а помощи от нее, миллионери, никакой. А тебе надо учиться.

Ты – талант.

– Я учусь.

– Если они дают, учишься по ночам. Ты только на себя посмотри, под глазами круги, кожа бледная...

Зато сестрицы твои процветают. Эх, дура ты дура, как тут не материться. Послала бы ты их трехэтажно. Если не умеешь, обращайся ко мне, научу.

– Да ладно, – отмахнулась Денисия, – сестры они мои, и я их очень люблю. Они тоже меня любят, да и как по-другому? После папкиной смерти мы остались совсем одни. А в Москве мы чужие. В Москве чужакам особенно трудно, вот мы друг к дружке и жмемся.

– Ага, жметесь. Тут не жаться, а отбиваться пора.

Только и слышу: «Деня, сделай то, Деня, сделай это».

А ты и рада потворствовать их капризам.

Денисия вздохнула:

– Лар, зря ты невлюбила моих сестер. Уверяю, им не до капризов. Исключая счастливицу Зойку, все они еле-еле выживают. Да и не даром я за них работаю. Сама понимаешь, мне деньги нужны. Книжки стоят дорого, в общежитии места нет, за комнату платить приходится... Ну, хватит, *sub specie aeternitatis* зрения вечности (лат.).> это все ерунда. Давай лучше вернемся к нашему переводу, а то мой кумир Добры-

нина тебя точно грохнет.

– Не грохнет, она интеллигентная. И потом, она же правозащитника, вот и должна понимать, что мы имеем законное право на перекур. А поскольку не курим, то с чистой совестью (в качестве отдыха) можем спокойно перемывать кости твоих сестер.

– Уже перемыли, – буркнула Денисия и деловито спросила:

– Так как там было на старофранцузском?

Лариса послушно склонилась над рукописью, но опять зазвонил телефон.

– Кто на этот раз? – зло спросила она раньше, чем Денисия сняла трубку, и тут же предположила:

– Наверняка Федора теперь.

Предположила и не ошиблась.

– Федька просит ночью ее подменить, – растерянно прошептала Денисия.

Лариса замахала руками.

– Не соглашайся! Не соглашайся, мать твою, – гневно закричала она и тут же с мольбой добавила:

– Всеми святыми заклинаю тебя.

– Хорошо, – сдаваясь, кивнула Денисия и набрала побольше воздуха в легкие для убедительного отказа.

На лице ее отразилась мука, а с губ слетело само собой:

– Ладно, Федюнчик, так и быть, подменю.

– Э-эх! – в отчаянии рубанула воздух рукой Лариса. – Раз-

мазня ты. Денька, размазня! Как тут не материться?!

– Ничего не размазня, – обиделась Денисия. – Просто отказать никак нельзя. Федька моя приличного мужика подцепила, аж целого министра. Правда, губернского масштаба, но зато он частенько в Москву навевывается. Раньше все очень удачно у них складывалось, а тут, представляешь, он, как назло, остановился в той самой гостинице, в которой Федька работает.

– Ну ясно, – злорадно ухмыльнулась Лариса. – Федька прикинулась дворянкой до мозга костей, и свадьба уже не за горами. Теперь она спасает от удара жениха, которого в силу возраста может паралич разбить, если он узнает, что его графиня работает коридорной горничной.

Денисия, упрямо тряхнув челкой, с обидой уточнила:

– Почему коридорной? Номерной.

– Ах, извините, я не знала, что Федору повысили. Теперь она метет не коридоры, а номера! – с сарказмом воскликнула Лариса.

Денисия хотела обидеться, но не успела. Хитрая Лариска чмокнула ее в щеку и рассмеялась:

– Ой, Денька, с этой челкой ты такая забавная.

Привыкнуть никак не могу. Видела бы ты себя со стороны.

– Каждое утро в зеркало смотрюсь, – смущаясь, промямлила Денисия.

– Да, но это совсем другое. Надо видеть, как забавно ты ею трясешь. Совершенно сумасшедшая челочка.

– Да уж, наслышана. Вчера к Зойке ходила и на лестнице столкнулась с ее муженьком...

– С банкиром, – с издевательски-важным видом вставила Лариса.

Не замечая сарказма, Денисия продолжила:

– Да, с банкиром. Он обычно старается меня не замечать, а тут, увидев мою челку, не удержался и говорит: «Ах какая челка! Теперь ты вылитая телка».

– Так и сказал?

– Угу... – внезапно вспыхивая, кивнула Денисия.

Лариса расхохоталась:

– Дурацкий рифмоплет. Хотя с этой челкой ты и в самом деле смахиваешь на коровку. Этакая симпатичная Буренка...

Денисия опять хотела обидеться, но снова не успела: зазвонил телефон. На этот раз объявилась старшая сестра Зоя – легка на помине. У Денисии вновь заныло в груди от предчувствия беды. Так даже перед смертью матери не ныло.

Глава 2

– Денька, ты не забыла, что срочно должна приехать ко мне?

– Не забыла.

– Тогда давай приезжай, – капризно потребовала Зоя.

Денисия смущенно покосилась на Ларису и растерянно спросила:

– Что, прямо сейчас?

– Да!

– Но сейчас я занята.

Зоя рассердилась:

– Перестань, пожалуйста. Чем таким ты занята, что к родной сестре приехать не можешь?

Денисия тоже рассердилась.

– Знаешь что, – закричала она, – у меня нет мужа-банкира, поэтому изредка приходится самой на жизнь зарабатывать. В данный момент я занимаюсь переводом для самой Добрыниной и рассчитываю за это совсем неплохую сумму получить. Тебе она покажется смешной, а для меня это целое состояние.

– Ты обещала. Перевод подождет, завтра займешься, – отрезала Зоя.

– Повторяю, – вспыхнула Денисия, – у меня нет мужа-банкира!

Зоя обиделась:

– Упрекаешь? Я, между прочим, по любви замуж вышла.

– Ага, только по чьей? По своей или по его?

Лично я не представляю, как можно любить того, кто регулярно снабжает жену фингалами.

– Ага, понятно, Ларка тебя против меня настроивает. Вы ничего не понимаете. Он меня боготворит, он меня обожает, что из того, если вспыхнет иной раз от ревности, – бросилась оправдываться Зоя, но Денисия ее оборвала:

– А ты повода не давай. Если честно, сестрица, на его месте я давно тебя убила бы. Сама посуди, что ты творишь? С жиру бесишься, ведешь себя кое-как.

Зоя всхлипнула:

– Значит, ты не приедешь?

Внимательно следившая за разговором сестер Лариса показала Денисии кулак и прошипела:

– Ни в коем случае не сдавайся, мать вашу так.

– Приеду, – со вздохом ответила та. – Раз обещала явиться по первому зову, приеду.

Лариса взвыла и схватилась за голову, а Зоя взвизгнула от восторга:

– Денька, ты лучше всех! Сейчас же дуй сюда! Я с нетерпением жду! Ой, – вдруг фальшиво забеспокоилась она. – А перевод твой как же?

– Да черт с ним, завтра переведу, – успокоила сестру Денисия, принимая все за чистую монету.

– Знала бы ты, как сердце мое болит за тебя. Ночей не сплю, все думаю, думаю, как там выкручиваешься ты, сестренка. Что, совсем с денежкой плохо?

– Лишних денег никогда не бывает, – с философским оптимизмом заметила Денисия.

– Ладно, – расщедрилась Зоя, – приедешь, по-сестрински тебя подхарчу тайком от банкира.

Денисия рассердилась:

– Еще чего, обойдусь. Не нужны мне его подачки. Честно много не заработаешь, а ворованного мне не надо. Ладно, жди, прямо сейчас и выезжаю. У меня тут Ларка. Она на машине подбросит.

Зоя спохватилась:

– Да я же тебе главное сказать забыла: на дачу приезжай.

– Так ты звонишь не из квартиры? – удивилась Денисия.

– Нет. Знаешь же моего ревнивого банкира. До чего дошел, уже прослушивает все мои разговоры, Домработница на днях протирала в квартире мебель и снова нашла «жука». Я как приехала на дачу, так сразу стала звонить тебе, только с чужой мобилы.

– Но почему ты на дачу поехала?

– Какая тебе разница! – с раздражением воскликнула Зоя. – Банкир мой попросил. Сказал, что так надо. Знаешь сама, задавать лишние вопросы мне не положено. Да оно и к лучшему, что я на даче. Хоть спокойно поговорим. Банкир мой в последнее время почему-то на всех вас ополчился. Ни

в какую не хочет видеть моих сестер. «Зачем они шляются к нам? – ворчит. – Небось деньги выпрашивают».

Консьержке приказал говорить вам, что нас нет дома.

– Ой, напугал, – пропела Денисия. – Я тоже не рвусь с ним встречаться, но и на дачу переться не ближний свет. Вряд ли Ларка ехать туда согласится.

– Не соглашусь, – мгновенно подтвердила Лариса и риторически поинтересовалась:

– Ну как тут не материться?

– Возьми такси, – посоветовала Зоя.

Денисия присвистнула:

– На дачу? Такси? А деньги где взять, не подскажешь?

– Деньги я тебе потом верну.

– Ха, вернешь то, чего я не имею?

– Ты же премию получила.

– И мгновенно потратила.

Зоя вздохнула:

– Ох, Денька, не жадничай. Я верну. Деньги у тебя будут.

Приезжай.

– Это как? Жора, жарь рыбу – рыбы нет – Жора, жарь, рыба будет. Так, что ли?

– Ой, господи, что за проблемы? – вспылила Зоя. – Вредная ты. Не знаешь, где взять деньги, так я посоветую: у Ларки займи.

Денисия повернулась к подруге:

– Лар, на такси дашь в долг?

– За перевод вперед заплачу, – недовольно ответила та, извлекая из сумочки кошелек.

Отсчитав полагающуюся сумму, Лариса презрительно хмыкнула и демонстративно ушла, «забыв» попрощаться.

– Не обижайся, я завтра тебе все переведу, – виновато крикнула ей вслед расстроенная Денисия.

Лариса даже не оглянулась.

– Обиделась, вот беда, – прошептала Денисия, но горевать было некогда.

Надо было собираться к сестре, раз обещала.

Звонок Пыжика застал Денисию уже в прихожей – она надела пальто и со зверским усердием пыталась застегнуть поломанную «молнию» на стоптанном сапоге.

Пыжик ходить вокруг да около не любил.

– Заработать хочешь? – сразу спросил он.

– Всегда хочу, – радостно выдохнула Денисия, не прекращая борьбы с замком.

Пыжик ей по-родственному (они были из одного города) подбрасывал мелкие, но хорошо оплачиваемые поручения. Вот и сейчас он скомандовал:

– Паспорт свой прихвати и дуй ко мне. Тут наклеивается дельце часа на полтора.

– Ой, – огорчилась Денисия, – а меня уже Зойка ждет. Можно позже?

– Позже – это когда? – скептически поинтересовался Пыжик.

– Ну, часа через четыре.

– Идет, – согласился он.

– Спасибо, – возликовала Денисия и, неожиданно застегнув замок на сапоге, помчалась ловить такси.

Зоя ждала сестру с нетерпением. Это было видно по забросанному окурками крыльцу. Зоя всегда отличалась небрежностью... Впрочем, небрежность ей даже шла, особенно в одежде. Манерам ее небрежность тоже придавала неповторимую элегантность, которая так нравилась в Зойке мужчинам.

Денисия спешила. Расплатившись с таксистом, она открыла калитку и побежала по дорожке, приостановившись лишь у новенького «Феррари». Зоя всегда любила лихачить. Денисия вспомнила, как на старой Пашкиной «Яве» гоняла сестра по их маленькому городку, варварски расплескивая мутные лужи, распугивая поросячью живность и небрежно врежаясь в местную куриную тусовку. Пашка каждый раз злился, что уехала надолго, и клялся, что больше мотоцикла она не получит, а когда Зойка с небрежной своей улыбочкой подкатывалась к нему в следующий раз, сдавался мгновенно: «Забирай».

Когда это было?

Теперь Зоя стильная столичная штучка и на таких, как Пашка, смотрит с презрением.

– Ты что так долго? – с ходу набросилась она на сестру.

– Здравсте, тебе не угодишь, – рассердилась Денисия. –

Скажи спасибо, что вообще приехала. Это ты чем заняться не знаешь, а у меня дел по горло...

– Спасибо, – миролюбиво сказала Зоя, сдирая с сестрицы ветхое пальтецо и чмокая ее в бледную застывшую щеку. – Ой, холодная ты какая! Чистый вурдалак!

– На улице не май.

Зоя пытливо взглянула на Денисию и неожиданно спросила:

– А как твой перевод?

Та лишь рукой махнула:

– Отстань.

– Че, отстань. Я волнуюсь. Ты что, и в самом деле с Добрыниной дружишь? Она обещала пристроить тебя в свой Конгресс?

Денисия подивилась наивности сестры:

– Ну ты даешь! Кто я такая Добрыниной? Мы с ней даже не знакомы. Это Ларка несколько раз интервью у нее брала, а я перевод ей делаю по заказу Ларки. Ларка для Добрыниной подсуетиться решила.

«Очень полезный человек, – говорит. – В будущем и тебе пригодится». Но я не поэтому, просто они с Валевым мои кумиры. Как они за правду стоят горой! – восхитилась Денисия и вздохнула:

– Ах, мечтаю стать такой, как они.

Зоя деловито заметила:

– Валев – да, а Добрынина – нет. Она тебе не подходит.

Если ты рассчитываешь, что она поможет устроить твою карьеру, то мой тебе, сестренка, совет: никогда не ставь на бабу. Ставь на мужика. Хочешь, с Эльдаром Валовым тебя познакомлю?

– Ты что, его знаешь? – удивилась Денисия.

– Еще бы! Банкира моего закадычный дружок.

Нет, свою дружбу, как я поняла, они не очень-то афишируют, но Эльдар сто раз у нас дома бывал. Любит Эльдар иногда за шахматами посидеть вечерком с моим банкиром, а порой о политике под водочку старики судачат. Культурно расслабляются. Эльдар Валева имеет вес не меньший, чем Добрынина, но зато он мужик. А ты баба. Уже одно это залог симпатии.

– Много ты понимаешь, я пробуюсь и сама, – рассеянно бросила Денисия, прислушиваясь к звукам мощного двигателя, доносящимся с улицы.

А Зоя, ничего не слыша, уже нетерпеливо тащила ее за руку, приговаривая:

– Ну, пошли! От любопытства сейчас с ума сойду. Давай рассказывай быстрее, как он? Изменился?

И вообще, как все у вас прошло? Сейчас же рассказывай!

– Да погоди ты, – отмахнулась Денисия, – кажись, кто-то к дому подъехал. Слышишь, с улицы звуки? Вроде как мотор жужжит.

Зоя выглянула в окно, побледнела и ахнула:

– Господи! Муж приехал! И не один! Кого-то с собой ве-

дет! Он же меня убьет!

– Да за что убьет? – удивилась Денисия.

– Да за то, что ты здесь. Он мне строго наказывал не таскать в наш дом никого. Прячься! Прячься!

– Прягаться? А вдруг он приехал за тобой? Закроете меня в доме, как я выбираться буду?

Зоя замахала руками:

– Какой там за мной. Он предупредил бы. Скорей всего, какой-нибудь документ ему нужен. Здесь у него сейф огромный. Слушай, ты в чуланчик давай полезай, а я – в гостиную. На диван прилягу, пледом прикроюсь и сделаю вид, что крепко сплю. Он меня никогда не будит. Возьмет то, за чем приехал, и умыкнется, а мы сможем поболтать вволю.

– Ладно, – согласилась Денисия, – спрячусь, я тоже с ним не очень-то встречаться хочу. Показывай, куда лезть.

Зоя поспешно открыла дверь хозяйственной комнаты, там, среди веников, ведер и пыли, Денисия и устроилась. Хотя ей казалось унижительным прятаться от какого-то там банкира – надменного и не очень умного. Мало ли кого он недолюбливает – его проблемы. Но чего ради сестры не сделаешь, пришлось лезть в чуланчик. И едва Денисия спряталась, как поняла, что очень вовремя это сделала – тут же хлопнула входная дверь, и раздался медовый тенорок банкира:

– Жenuлька, ты дома?

Не получив ответа, он шепнул своему спутнику:

«Здесь подожди», – и, не снимая обуви, пошагал по коридору.

дору.

«Расколет банкир Зойку или не расколет?» – гадала Денисия, прислушиваясь к происходящему за пределами чуланчика.

Вскоре хозяин дома вернулся и заговорщицки шепнул своему спутнику:

– Она спит.

Тот поинтересовался:

– Крепко спит?

– Очень крепко, – подтвердил банкир. – Я ее громко позвал, но она даже не шелохнулась. Что будем делать, Карлуша? Надо бы ее разбудить.

Судя по всему, такая затея Карлуше не понравилась.

– Зачем ее будить? – испугался он, что показалось Денисии подозрительным.

«Какую гадость эта парочка затевает?» – насторожилась она.

Произошедшее в дальнейшем ее не просто потрясло. Такого кошмара Денисия не предполагала увидеть даже во сне.

Глава 3

Поначалу все было вполне безобидно. Банкир и Карлуша ругались. Шепотом. Банкир все бубнил, что его заманили обманом, речь якобы шла лишь о том, чтобы ограничиться разговором с Зоей, а теперь выясняется, что все не так.

Сидя в чуланчике, Денисия напряженно прислушивалась и ничего не понимала.

«Что – не так? Чего им от Зойки надо?» – гадала она, с удивлением обнаруживая, как за ворот свитера заползает холодок ужаса.

Совсем не трусиха – девчонкой с отцом ходила даже на кабана, – Денисия понять не могла, откуда вдруг взялся этот беспричинный страх. Банкир и спутник его – наверняка приличные и уважаемые люди. Зойка – любимая жена, к тому же она в своем доме. Ей ничего не грозит. Правда, сама Денисия прячется в чулане, но что это в самом деле за грех? За это не убивают. Разоблачи ее, конечно же, рассердится чертов банкир, но лупить Зойку не станет. Так, пошумит немного, и все. Это Денисия точно знала.

Лютует старый дурак лишь тогда, когда Зойка дает повод, когда ревность одолевает его...

«А может, Зойка как раз и дала повод? А может, банкир про Александра проведал и теперь будет допытываться? А если узнает, что к этой афере причастна и я... Мама доро-

гая, не дай бог», – с ужасом подумала Денисия и поежилась, и попятилась, вплющиваясь спиной в стену – дальше отступить было некуда. А ей хотелось провалиться сквозь землю, исчезнуть, испариться, что угодно, лишь бы не видеть семейного скандала, не слышать душевыворачивающего Зойкиного визга. Зойка так умеет визжать, как никто не умеет. Визг – ее коронка. Еще в детстве она научилась им мастерски пользоваться во всех затруднительных ситуациях....

На секунду Денисия унеслась мыслями в прошлое, вспоминая хитрющую Зойку, но тут же вернулась обратно. В прихожей по-прежнему шел спор.

– Ты что, шутишь? – шипел банкир. – Нет.

Я этого не могу. Это черт знает что такое. Если бы я знал, на что ты рассчитываешь, то никогда не привез бы тебя сюда...

– Ты и знал, – резко оборвал его Карлуша. – Зачем, по-твоему, надо было увозить ее из Москвы?

Что, мы там не могли с ней побеседовать?

– Ну-у... – растерялся банкир.

– Вот и не нукай. Все ты знал. В Москве консьержка, охрана, домработница – толпа народу. Мы не можем войти в твой дом незамеченными, а здесь нас никто не видел. Что ты трясешься? Будь мужиком.

Возьми себя в руки. Выбора у нас нет. На. Иди.

Несмотря на запредельный страх, Денисии стало любопытно, что он там такое ему дал – банкир даже заикаться

начал.

– Н-нет, н-нет, – мямлил он. – Я не м-могу.

Карлуша презрительно сплюнул:

– Тьфу! Ну ты и слизняк. Неужели не ясно?

У нас нет другого выхода.

Банкир перестал заикаться и с жаром заговорил:

– Выход есть. Мы можем ей все объяснить, уговорить, она понятливая, мы ей заплатим. Клянусь, она будет молчать.

Карлуша усмехнулся и зло прошипел:

– Даже и не думай об этом. А если молчать не будет? Что тогда? Я рисковать не хочу. Речь идет о наших с тобой жизнях. Неужели ты не понял: или мы, или она? Иного не дано. Короче, не жуй сопли. Нам повезло, что она спит. Иди.

– Н-нет, н-нет, – снова начал заикаться банкир. – П-почему о-о-обязательно я? М-можно же ее, к-как бы это...

– Заказать? – удивился Карлуша. – Тебе нужны лишние свидетели? Тебе нужна канитель? Зачем, когда все так просто? Прямо сейчас вопрос и решим.

– Н-но это оп-п-пасно.

– Опасно привлекать свидетелей. Об этом должны знать только я и ты. И не трясись. Бояться нам нечего, у нас железное алиби. К тому же ты вне подозрений. Всем известно, как ты обожал жену. Оставим открытым сейф, инсценируем ограбление...

У Денисии подкосились ноги. Наконец до нее дошло со всей ясностью то, во что трудно было поверить. Ей захоте-

лось выскочить из своего укрытия и скорей (скорей!) мчаться в гостиную, предупредить сестру, но подкосились ноги. И не слушалось тело.

Окоченевшая Денисия даже не уверена была, может ли она дышать. Против ее воли в голове пульсировало: исчезнуть, затаиться, смешаться, слиться со стенами, сделаться незаметной.

Вопрос Карлуши прозвучал из такого далека, что Денисия не сразу поняла его смысл – к тому же шумело в ушах.

– Так ты не пойдешь?

– Не смогу, – с непередаваемой болью выдохнул банкир. – Она жена моя, я ее люблю. Пощади.

– Слюнтяй, – презрительно процедил Карлуша.

Затем Денисия услышала шаги: туда и обратно.

Потом Карлуша шепнул два слова: «порядок» и «уходим». И все.

Нет, не все. Хлопнула дверь, и потом уже все.

Когда с Денисии сошло оцепенение, она подумала: «Что это за история?»

Ясно ей было только одно: банкир и неизвестный Карлуша ушли, так ни на что и не решившись.

И тут Денисию затрясло. Ее так трясло – зубы выбивали чечетку. Но, несмотря на страх и озноб, как это ни странно, потекли обыденные мысли. Буквально разрывало от необходимости сделать многое, слишком многое: надо и к Зойке бежать, рассказать ей то, что услышала, предупредить об опас-

ности, а тут еще этот неприятный разговор об Александре...

О нем потом, да и Пыжик заждался, а вечером придется мчаться за Федору дежурить...

«Странно, – вдруг удивилась Денисия, – а Зойка-то почему молчит? Все еще притворяется, перестраховщица. Не слышала, как муженек ушел?»

Она выбралась из чулана и крикнула:

– Зоя!

Тишина.

– Зойка, отзовись, черт возьми! – рассердилась Денисия. – Нашла время шутить!

И опять тишина.

Сердце бешено заколотилось.

– Зоя, ты где? – Денисию вихрем вынесло в гостиную...

Зоя, закрыв глаза, полулежала в кресле, до самого подбородка прикрытая шотландским мохеровым пледом. В ее красивом мраморном лбу темнела маленькая дырочка, из которой струилась кровь.

– Ма-моч-ка, – жалобно пропела Денисия, хватаясь за сердце, медленно складываясь и роняя себя на пол.

Потолок бешено закрутился, но сознания Денисия не потеряла. Она лежала на полу, смотрела на этот вертящийся потолок и беззвучно плакала. Плакала от страха за себя, от жалости к сестре, и к себе, и к другим сестрам...

Сквозь страх и жалость пробивалась ненависть к банкиру и уже сквозь ненависть – непонимание: как такое могло про-

изойти? Он же муж ее. Он же любил Зойку...

Потолок вдруг остановился, и мелькнула мысль:

«Это что же получается, убил, и все? И концы в воду?»

Денисия с унижительной ясностью осознала разницу между собой и банкиром. Разницу, созданную не природой, а обществом. Он может безнаказанно убить, а она – нет. И попробуй его разоблачи. Ей никто не поверит. В милиции ее и слушать не станут.

Может, даже сами ее и сдадут на расправу банкиру.

А почему бы и нет? Все возможно в стране, в которой одних годами держат на нарах за мешок моркови, а другим присуждают девять лет условно за краденые миллионы. Девять лет – условно! Это же смешно. Почему не пожизненное? Или, еще лучше, приговорили бы к смертной казни условно. Его уже давно казнили, а он по-прежнему ворует...

– Господи! – завывала Денисия. – О чем я думаю?

Зойка! Зоенька моя!

И тут ее осенило: «Я же труп! Труп, если вякну о том, что слышала... Что же делать? Молчать?»

Ее переполняла злоба, переполняла ненависть к банкиру. Ненависть просто сводила с ума.

«Моя сестра, моя Зойка, моя красавица мертва, а этот ублюдок, этот мешок с дерьмом будет жить в свое удовольствие?! Ну уж нет!»

Денисия вскочила на ноги и под клацание собственных зубов принялась судорожно сдирать с себя одежду. Оставшись

в одних трусиках, она сбросила с Зойки плед и аккуратно ее раздела. Осторожно, стараясь не испачкаться в крови, она натянула на Зойку свой свитер, грубую драповую юбку, дрожащими пальцами застегнула «молнию» на бедре и, придав телу прежнее положение, вернула на место плед.

Осталось самое тяжелое: надеть на себя вещи сестры. Денисия подержала в руках Зойкино шерстяное платье – дорожное, о таком невозможно даже мечтать – и, собравшись с духом, оделась.

В прихожей она отыскала Зойкину шубку и сумочку с ключами от дома, от гаража, от машины, от квартиры... От всего, что было у Зойки. Документы Денисия знала небрежность сестры – наверняка остались в машине.

Надев на свои стройные ножки стильные Зойкины сапоги, Денисия вернулась в гостиную, глазами, полными слез,глянула на сестру, шепнула: «Прости» – и хотела уже уходить, но вдруг испуганно ахнула и бросилась в кабинет банкира за ножницами.

Возвратившись, она постояла над Зоей минуту-другую, не отваживаясь нарушить ее уже мертвую красоту, и, наконец решившись, выделила из волос одну прядь, отчаянно чекрыжнула ножницами – на простреленный лоб упала короткая челочка.

– Теперь ты, Зоенька, жива, – прошептала Денисия и, в последний раз взглянув на сестру, уже уверенно вышла в прихожую.

Накинув на плечи шиншилловую шубку, она задержалась у зеркала, придирчиво себя рассмотрела, достала из Зойкиной сумочки косметичку, тушью мазнула по ресницам, провела по губам губной помадой и застыла. «Нет, что-то не то. Челка. Опять эта челка».

Небрежно зачесав назад волосы и оголив высокий лоб, Денисия снова придирчиво себя осмотрела – а теперь то. Именно то.

«Что ж, бесстрашно вперед. Навстречу новой жизни».

Модные каблучки простучали по мраморным ступеням, распахнулась дверка «Феррари», нога решительно надавила на газ...;

Этим событиям предшествовала целая жизнь, но один только день сыграл в жизни Денисии роковую роль. С него и начнем.

Глава 4

– Ох, молодость, молодость! – всплеснув руками, заголосола Зинаида, дородная краснощекая тетка, хозяйка огромных хохляцких грудей и толстого сизого носа.

Ее широкая лапища нырнула под фартук, извлекая бутылку. Торговка Зинаида совсем не дура была выпить, чего желала и всем окружающим.

– На вот, хлебни, – великодушно предложила она. – Ледяная, а горячит, как х... милого.

– Нет, спасибо, – испуганно шарахнулась Денисия. – Я не пью.

– А зря, – не одобрила Зинаида. – Дело полезное, особенно если весь день одним местом трясешь на холоде. Что ж ты. Денька, явилась в таком пальтеце? – прищурив пьяные глазки, вдруг с осуждением поинтересовалась она. – Тебе еще долго жопу морозить, чебуреков-то я совсем не продала ни-сколечки.

Ой, непутевая. А рукавицы где?

Денисия виновато потупилась:

– Забыла.

– И передник небось забыла опять. Нет, ну шо вы за люди? Родили вас панычами, та грошив не дали. Ты зачем сюда, девка, пожаловала? Торговать аль себя казать? Рейтузы-то хоть надела, аль, как Степка, сестрица твоя, вся в кружевах

заявилась? Невесты, разъядри вашу спесь. Ну-к покажи, то там у тебя на теле?

Внезапно приблизившись к Денисии, простецкая Зинаида попыталась задрать подол ее пальтеца, но неожиданно получила такой серьезный отпор, что растерялась и даже смутилась, чего не бывало с ней уж много лет, пожалуй, с тех самых времен, как, утратив невинность, лежала она на сене в хлеву на груди срамника Миколы – сто чертей ему в дышло.

– Ты шо это, девка, дерешься, – с обидой спросила она. – Я ж добра те желаю.

– И не совестно вам, тетенька, руки свои распускать, – со слезами на глазах устыдила Зинаиду Денисия, отпрыгивая на всякий случай подальше и от нее и от тележки.

– Тю-ю-ю, – удивилась хохлушка. – При чем тут руки мои? Разве про них будешь ты вспоминать, когда пиписку свою отморозишь? Ну, да Христос с тобой. Делай как знаешь. Вы же умные все сейчас, молодежь. Короче, слушай сюда. Замерзла я, до хаты спешу, некогда мне тут с тобой распетюкивать. Беляши справа, пирожки слева, чебуреки посередке. Передник свой, так и быть, оставлю тебе, но, смотри, добела постирай. Варезки тоже бери...

– Спасибо, – обрадовалась Денисия. – Все чистым-пречистым верну.

– Да тележку, смотри, катай, – зверски сдирая с себя засаленный фартук, посоветовала Зинаида. – И не молчком, а кричи, погромче кричи: «Пирожки!»

Беляши! Чебуреки!» – бедово заголосила она, но, поперхнувшись, закашлялась и продолжила уже сиплым голосом:
– Вишь, что творится. Лихо мне, лихо.

Совсем я поганая стала. Азеру, кровопийцу, все здоровье свое задарма отдала, но ты, слава богу, ще молодая, глотка ще луженая у тя, не то шо у меня, старухи. Ты, девка, не стесняйся, кричи, раз сестрице взялась помогать. А то Степка, сестрица твоя, в дальний угол забьется, морду засунет себе в воротник и стоит на морозе, молчит, глазищи таращит. Кто ж у нее, у дурищи, купит? Наш хозяин потом на нее шипит, грозитя уволить.

Денисия рассмеялась:

– Нет, я сюда не стесняться пришла. У меня на счету каждая минута. Буду хоть кричать, хоть плясать, лишь бы расторговаться быстрее и домой, за учебники.

– О це добре, – похвалила Зинаида. – О це наша людина. Тогда, слышь, девка, за угол заверни и мимо ресторана к прошпекту катись. Там голодных туристов пруд пруди и студенты вот-вот нахлынут.

Быстро товар им сторгуешь. И будь порезвей. Твое дело молодое: тому подморгнула, тому подмигнула, с тем пошутила – глядишь, про сдачу и забудут. Или лишний беляш сожрут. Ну, не мне тя учить. Вижу, ты не балда, не то шо Степка, твоя сестрица. Та дура-дурой. За мужиками все охотится, а надобно пробиваться своей головой. Им, кобелям, нужно одно, но от всех, а нам, бабам, надо много чего, но от одного.

Противоречия непримиримая получается, поэтому ну их совсем. Как говорится, у церкви была, никто и не полав. Беляши справа, пирожки слева, чебуреки посередке.

Так, с прибаутками-наставлениями Зинаида и удалилась, а Денисия направилась к проспекту, толкая перед собой тележку и звонко выкрикивая: «Беляши!

Пирожки! Не зевай! Подходи! Налетай!»

Но налетать народ не спешил. Все голодные уж давно разбрелись по домам, по кухням, а на залитые неоновым светом улицы высыпал сытый люд, жадный только до зрелищ и развлечений.

Вот и брела Денисия одиноко под свою шарманку «налетай, не зевай», зябко поеживаясь на морозе и изредка дуя на застывшие пальцы. А что делать, если жадный Степкин хозяин даже мизерной выгоды упускать не желал.

В миг, когда Денисия поравнялась с фешенебельным клубом, по старинке названным Зинаидой рестораном, высокие стеклянные двери распахнулись и выпустили девицу. Денисия ахнула, до того хороша была та. Принцесса. Грива рыжих волос... Талия, казалось, вот-вот переломится – так тонка и хрупка.

Поверх черного вечернего платья щеголевато накинута белая горностаевая шубка, или накидка, или палантин, или как там у них называется – Денисия не знала. Такие наряды она видела только в кино. И девиц таких в жизни не видела. Даже Зойка-банкирша, старшая сестра, рядом с этой красот-

кой померкла, сама же Денисия, в старом своем пальтеце, укутанная серым платком старушечьим, покрытая утратившим белизну передником Зинки и в ее же засаленных перчатках без пальцев...

Ох, да что там говорить. И без того ясно, кем Денисия себя ощутила провалиться сквозь землю готова была, вопреки обещаниям не стесняться. Ее бойкий задор мгновенно погас, а крик: «Беляши, пирожки!» – застрял в горле – Денисия так и застыла с открытым ртом, забыв про тележку и не в силах оторвать восхищенных глаз от неожиданного чуда.

А красотка, сверкая бриллиантами и источая пьянящий аромат духов, земли под собой не чуяла и окружающих не замечала. Она, на ходу извлекая из ридикюля ключи, гордо и стремительно проследовала к автостоянке, но не успела сделать и пяти шагов, как дверь клуба опять распахнулась. На пороге вырос молодой мужчина под стать девице – стильный с головы до ног: в дорогом рединготе, с пижонским белым шелковым шарфом, с прической «к волоску волосок».

– Эмилия, прекрати! – крикнул он с ленивой небрежностью. – Своими капризами ты запарила всех уже.

Девица остановилась, испепелила пижона взглядом, ее очаровательный ротик слегка приоткрылся и... выплюнул затейливую и продолжительную площадную брань.

– Иди ты на х!.. – в заключение сказала она и дерзко подбоченилась.

Казалось бы, и все услышанное не новость, и место, куда

был послан пижон, традиционно вполне, но Денисию словно громом сразило. Диалог молодых людей открыл ей глаза: оказывается, у них все то же, у этих богатых. И даже не то же, а хуже. Подруга Денисии, известная матерщинница Ларка, вряд ли смогла бы так ловко припечатать обидчика словом, а вот эта принцесса смогла. И не покраснела.

А что же пижон? Не повел и ухом – привык.

Лишь сказал:

– Эмилия, хватит, не порть мне вечер.

Принцесса же не унималась.

– Ах, вечер не портить тебе? – закричала она. – Ах, вот в чем дело! Какой потрясающий солипсизм!

А я-то думала, что интересна тебе, ты же печешься лишь о своем вечере!

И девица разразилась новым потоком площадной брани. Временами она вставляла ученые словечки – это говорило о том, что каких-никаких знаний она Солипсизм – признание единственной реальностью только своего «я», индивидуального сознания, отрицание существования внешнего мира. Здесь высшая степень эгоизма. все же успела нахвататься. И так и сяк, украшая свою речь матерными словами, она втолковывала молодому человеку, кто он есть на самом деле. Сводилось все к одному: он эгоист, а она его жертва.

Пижон не возражал. Он терпеливо слушал, а когда принцесса замолкла, иссякнув, рассудительно сказал:

– Эмилия, пожалуйста, давай вернемся за наш столик и

спокойно поговорим. Глупо выносить личные отношения на суд улицы.

Казалось бы, дельное предложение, но его благоразумие окончательно взбесило принцессу.

– У нас уже нет отношений! – взвизгнула она. – Ты меня недостойн! Я лучшая топ-модель России! Меня в Америку приглашают! Три контракта на выбор...

Пижон захохотал:

– Не смейся, там таких валом и за гроши все корячатся. Тебе это не подойдет, ты же у нас гоп-стопмодель с большой дороги, у тебя же один разговор: пистолет к виску и на бочку брюлики. Там так не принято.

– Ах, вот ты как, негодяй! Не смей, так со мной разговаривать!

– Всего лишь правду сказал.

– Правду? Найди себе... Найди себе...

Подбирая, кого бы ему присоветовать, красotka впервые оглянулась вокруг и с удивлением обнаружила, что на улице она не одна: мимо, не останавливаясь, шагали прохожие, а Денисия на пару со швейцаром исполняли роль зевак.

Вдруг поймав на себе презрительный взгляд принцессы, Денисия словно очнулась, смутилась, вспомнила про тележку и поспешно ретировалась.

– Найди себе вот такую колхозницу и издевайся над ней, говори свою правду! – мощно ударило ей в спину.

Денисия даже споткнулась, оглянулась зачем-то испуган-

но и (вот беда) встретила взглядом с пижоном. Он посмотрел на нее как на пустое место и ответил принцессе:

– А что, это идея. Думаю, что ничем эта девица не хуже. Если на нее повесить столько бриллиантов, сколько их повесил лично я на тебя...

Продолжить ему не удалось. Принцесса с воплями: «На, возьми, подавись!» – принялась срывать с себя драгоценности.

Тут уж терпение покинуло молодого человека.

Он прикрикнул:

– Эмилия, хватит!

Но Эмилия окончательно завелась.

– Догони ее, догони! – кричала она, протягивая мужчине содранные с себя бриллианты. – Подари этой дурочке, пусть от счастья упишется, а я не такая идиотка, чтобы тебя ублажать!

Что было дальше, Денисия не видела – ноги несли ее туда, куда глядели глаза, а глаза глядели только вперед. Когда и принцесса, и пижон остались далеко позади, Денисия вздохнула с облегчением, сдвинула с глаз платок (он постоянно сползал) и с унылой бодростью завела шарманку:

– Беляши! Пирожки! Не зевай! Подходи!

Вдруг на ее плечо мягко легла рука, неожиданно прозвучал вопрос:

– Горячие пирожки, красавица?

Денисия оглянулась – пижон. Воротник его элегантного

пальто был приподнят, и он все пытался спрятать в него от злого ветра лицо, покрасневшее на морозе. Пижон был очень симпатичный, но Денисия, шмыгая носом, ответила холодно:

– Пирожки как пирожки. Зачем вам они? Вы же в ресторанах едите.

– Возможно, но с чего-то надо начать разговор, вот и спросил про пирожки, что ж тут плохого?

Денисия просверлила его подозрительным взглядом, мысленно отметила, что очень знакомое лицо, и спросила:

– А зачем вам со мной разговор начинать?

Пижон не растерялся:

– А может, вы мне понравились и я вас в клуб пригласить хочу.

Глаза его смеялись, но губы были серьезны. Денисия смутилась и не знала, что отвечать, но и грубить не хотелось. Парень если и издевается, то делает это не обидно.

Словно подслушав ее сомнения, он мягко попросил:

– Правда, я собирался поужинать, но моя девушка устроила скандал и ушла. Может, вы составите мне компанию? Буду очень рад.

Денисия смущенно поправила платок:

– Да куда же я в таком виде? И работа у меня, пирожки...

Она вдруг наткнулась на его равнодушно-презрительный взгляд и осеклась.

– А пирожки я у вас все куплю, – с ухмылочкой (вот, мол,

как я тебя осчастливил) сказал пижон и спросил:

– Кулек в продаже имеется?

– А как же, – возвращая себя в прежнюю роль, бойко ответила Денисия, у нас торговля цивилизованная, найдется вам и кулек.

– Вот и положите мне, пожалуйста, в него все пирожки, – вежливо попросил молодой человек.

– Что же вы будете с ними делать? – удивилась Денисия, насчитывая тридцать штук.

– Голодным отдам.

Когда он расплатился, Денисия аккуратно накрыла крышкой термос и, довольная, покатила тележку по улице, звонко выкрикивая:

– Не зевай! Налетай! Подходи!

– Как же так? – удивился пижон. – Вы же мне обещали!

Он догнал Денисию и, одной рукой прижимая к себе доверху набитый пирожками пакет, другой – сердито потянул ее за рукав:

– Вы же мне обещали!

– Ничего я вам не обещала, – не останавливаясь и быстро двигая впереди себя тележку, спокойно ответила Денисия. – Вы с жиру беситесь, а мне работать надо. Отойдите, пожалуйста, и не мешайте торговле. Бидоны жирные, не дай бог, испачкаете свое дорогое пальто.

– Да черт с ним, с пальто, какая торговля? Я же купил все ваши пирожки!

– А беляши с чебуреками кто продавать будет?

Вы, что ли?

Молодой человек беспомощно обвел глазами прохожих и, заметив среди них мужичка, похожего на бомжа, обратился к нему:

– Братишка, жрать хочешь?

– Всегда хочу, – признался тот и пояснил:

– Постоянно нечем закусывать, потому и пьяный живу.

– Прекрасно, – обрадовался молодой человек, вручая ему кулек, – вот тебе пирожки и жуй, братан, на здоровье.

Находчиво освободившись от бремени, он догнал Денисию и потребовал:

– Красавица, продай мне все эти, как их...

– Беляши? Чебуреки? – охотно подсказала та.

– И беляши, и чебуреки продай.

– Все?

– Все!

– Что ж, отказывать не имею права.

И она продала. Теперь уже молодой человек был обременен тремя кульками и одним вопросом:

– Кому бы их подарить?

Пока он озабоченно крутил головой в поисках подходящей кандидатуры, Денисия повернула назад, энергично толкая пустую тележку к цеху хозяина. Ее поворот изумил пижона.

– Красавица! Как же так? – закричал он ей вслед.

– Вы что, не видите, я не красавица, – с обидой ответила Денисия, даже не оглянувшись.

– Да! Ты чудовище! – зло выкрикнул пижон и на какое-то время отстал от нее.

Однако он оказался упрямым и, мгновенно пристроив в надежные руки и беляши, и чебуреки, догнал Денисию, потребовав:

– Сейчас же остановитесь и бросьте свою дурацкую тележку.

Она действительно остановилась и, смерив его грозным взглядом, воскликнула:

– Как вы мне надоели!

Пижон опешил. Было очень заметно, что к такому равнодушию парень совсем не привык. Да и кто им пренебрегает? Какая-то сопливая лимитчица?

Он посмотрел на нее уже с интересом и спросил:

– Почему вы такая злая?

– Потому, что вы дурака валяете, а мне еще предстоит всю ночь пахать, – просветила его Денисия.

– Что, опять беляши? – испугался пижон.

– Нет, теперь старофранцузский. Я еще и переводами подрабатываю.

– Ах, вот оно что...

Было очевидно, что он не поверил: в глазах плутала насмешка, которую все же он старался не обнаруживать. Денисия, скромная обычно, на этот раз своим правилам изме-

нила. Почему-то вдруг захотелось если не красотой и богатством, то хоть чем-то сразить нахала – ведь наверняка он о ней подумал:

«Врушка»..

– Nonni soit qui mal y pense, кто дурно об этом подумает (фр.).>, – демонстрируя великолепное произношение, с улыбкой воскликнула она и серьезно добавила:

– Мне действительно надо работать.

Молодой человек мгновенно преобразился: глаза его подобному засияли, в манерах появилось уважение к собеседнице.

– Простите, – сказал он. – Вероятно, я слишком назойлив, но вы действительно мне импонируете. Я и в самом деле хотел пригласить вас на ужин.

Денисия огладила замусоленный фартук и злобно спросила:

– В таком виде?

– Вы чудесно выглядите, – с чувством принялся убеждать ее молодой человек, но, сообразив, что подобное утверждение скорей выглядит как насмешка, чем как комплимент, спохватился и рассыпался в извинениях:

– Простите, я выразился как-то неловко...

– Ничего, – успокоила его Денисия, – делать глупости с умным видом привилегия мужчин. Я не в обиде. Понимаю, ваша Эмилия вам насолила своей публичной истерикой. Теперь вам хочется ей отомстить, переспать с последним ни-

чтожеством. Это все очевидно, понятно и для меня совсем не обидно.

Обидно то, что на роль последнего ничтожества вы почему-то выбрали меня. Как вы угадали? По внешнему виду?

Молодой человек сконфузился, а Денисия, не дожидаясь его возражений, двинула тележку вперед.

Догонять ее он не решился.

Глава 5

Домой, в свою тесную комнатку, Денисия вернулась довольная. Еще бы, что там ни говори, а сегодня ей повезло: черствый залежалый товар пройдохи хозяина в два счета сторговала, даже замерзнуть не успела.

«Если бы не пижон, – подумала она, пристраивая на плиту облупленный эмалированный чайник, – бегала бы сейчас с тележкой по улицам в поисках голодных прохожих, коченела бы, унижалась, зато теперь попью чайку, согреюсь и с наслаждением займусь переводом».

Она сладко потянулась:

– Эх! Не жизнь, а красотища!

Секундой позже обнаружилось, что не такая уж и красотища – позвонила старшая сестра Зоя.

– Денька, Сашка на днях приезжает, – радостно сообщила она.

У Денисии заныло в груди:

– Откуда знаешь?

– Письмо получила.

«Вот как, спрашивается, эта стерва Зойка при строгом присмотре, при живом муже банкире умудряется получать от любовников письма?» – подумала Денисия, но лишних вопросов задавать не стала.

– И что теперь? – сдержанно поинтересовалась она.

– Ты должна отправиться к Сашке на свидание, – категорично заявила Зоя и плаксиво добавила:

– Вместо-о-о меня-а-а.

– Еще чего, – рассердилась Денисия. – Хватит!

Даже и не мечтай!

– Ну, Денечка, солнышко, в последний разочек, – начала канючить Зоя, но Денисия решительно пресекла посягательства на свою свободу:

– Нет. Хватит в свои интриги меня впутывать.

Разбирайтесь сами.

Хитрая Зойка, мгновенно уловив радикальное настроение сестры, зашла с другой стороны. Метко попадая в самую слабую точку Денисии, она спросила:

– Помнишь, я говорила тебе про раритет, что видела у своего банкира?

Еще бы Денисии не помнить. Настоящее чудо – рукописный томик стихов на старофранцузском. Необычная бумага, изумительный переплет. Десятый век, но главное – сами стихи. Только за то, чтобы хоть раз подержать в руках этот томик, Денисия готова была заложить свою душу дьяволу. Разумеется, она насторожилась: куда Зойка клонит?

– Помню, и что? – с замиранием сердца спросила она.

– Если на свидание к Сашке пойдешь, дам тебе на несколько дней этот раритет сумасшедший.

– На сколько? – мгновенно выстрелила вопросом Денисия.

– На два дня.

– На пять! – На пять не смогу, – вздохнула Зойка. – И так рискую. Банкир собрался раритет этот на какую-то картину менять. Самое большее – на три дня.

– Я согласна, – выпалила Денисия. – Но только прямо сейчас.

Зойка дала задний ход.

– Прямо сейчас не могу, – заныла она. – Дело идет к ночи, а раритет в тайнике на даче.

«Вот и имей с такой дурой-женушкой какие-нибудь секреты, – подивилась Денисия. – После ее заявлений тайник уже не тайник, а выставка – проходной двор», – Банкир твой дома? – деловито осведомилась она.

– Нет. Он в командировке.

– Значит, едем на дачу.

– Прямо сейчас? – растерялась Зойка.

– Нет, дождемся, пока банкир твой из командировки вернется, – съязвила Денисия. – Неужели не ясно, сейчас самое время.

Зойка зашла от сомнений:

– Ну, не знаю, он наверняка шпика ко мне приставил опять. Повадился следить за каждым моим шагом. Вот откуда тебе звоню, думаешь? Из лифта соседнего дома, с чужого мобильного. Во конспирация.

Фээсбэшники отдыхают.

– А что плохого, если ты с сестрой ночью на дачу съез-

дишь? – разом разбила все ее сомнения Денисия. – Сестра – не любовник. Пошумит банкир, да лапшу твою с ушей своих сам же и снимет. А куда старику деваться? Пятьдесят лет – не тот возраст, когда сильно порыпаешься. Конченный он человек, он сам раритет. Прикинь, сколько ему там осталось?

Короче, до гроба любимая ты у него жена. Все. Решайся. Или сейчас, или никогда. Вот клянусь, чтоб меня разорвало, не пойду больше к Сашке, если сейчас раритет не возьмем.

– А-а, черт с тобой, – согласилась Зоя. – Жди меня, я пчелой.

Примчалась она действительно мигом. К даче доехали тоже быстро и без приключений. Зойка всю дорогу на бешеном звуке свой любимый «Назарет» крутила, что, впрочем, не помешало Денисии сладко вздремнуть. Лишь подкатив «Феррари» под дачную калитку, Зойка толкнула сестрицу в бок:

– Денька, подъем. Я быстренько в дом смотаюсь, а ты оставайся в машине.

Не успела Денисия и глаза продрать, как простыл Зойкин дух – метеор, не девка.

Однако надолго она задержалась в доме, Денисия занервничала даже. Уже хотела сама отправиться за сестрой, но как раз в этот момент Зойка выбежала на крыльцо. Прыгнув за руль, она сорвала автомобиль с места и на зверской скорости помчалась вон, подальше от дачи. Лишь проехав с десятков километров, сбросила темп до приличного и, вздохнув с об-

легчением, воскликнула:

– Ну и дела!

– Что за дела? – рассердилась Денисия. – Раритет-то мой где?

– Ай, не до того, – отмахнулась Зойка. – Я там такое увидела!

Денисия злорадно усмехнулась:

– Неужели еще моложе пассию нашел наш банкир?

– Если бы, было бы полбеды. Хуже. То, что я про него узнала, просто завал.

– Неужели гомик? – изумленно присвистнула Денисия.

– Какой там. Хуже, гораздо хуже.

Сраженная Денисия, теряясь в догадках, отчаянно выдохнула:

– Групповуха?!

– Групповуха на фоне того, что я узнала, – детская шалость. Он мразь. Последний подонок. Даже не знаю, как жить с таким.

Зойка вдруг остановила «Феррари», уронила на руль голову и долго так молча сидела, не шелохнувшись. Чуткая Денисия тоже молчала, не решаясь тревожить сестринскую скорбь. Но в конце концов любопытство взяло верх над сочувствием к загадочному горю, и Денисия, поеживаясь, спросила:

– Зой, так что там произошло?

Зоя оторвала голову от руля – по щекам ее катились сле-

зы. Денисия словно окаменела, припоминая, видела ли она когда-нибудь слезы в глазах сестры.

Сильная и порой жестокая Зойка не плакала никогда. Даже в детстве. Видимо, в этом был ее тайный протест против отцовской несправедливости.

Так и не исполнилась мечта отца – не родила ему мать сына. Слишком рано, сублистная, умерла. Вынужден был по мальчиковской программе воспитывать своих дочерей отец. Перво-наперво обозвал он их, как пацанов: Федору – Федькой, Степаниду – Степкой, Денисию вообще Денисом кликал. Одной Зойке оставил ее женский пол. Может, потому, что была она старшенькой, или из-за грации ее особой, изящества небрежного. Так мягко двинет бедром, так станет, так гордо взведет подбородок... какой уж там пацан. Не просто будущая баба, королева.

А Зойка, не понимая, ревновала к сестрам отца, крамольничала, бунтовала, обнаруживая особый, ретивый нрав, и, уж конечно, никогда людям слез не казала. Ох и намучился с ней покойник-отец...

Можно представить, как испугалась теперь Денисия, заметив слезы в глазах сестры.

– Зойка! – в панике закричала она. – Говори сейчас же, что ты разузнала?

– Мой банкир сидит там в своем тайнике с... Ой, Денька, я не могу!

Зойка взвыла и снова поникла к рулю. Сколько Денисия

ее ни пыталась, так ничего не добились.

Зойка твердила:

– Нет, не могу, – и с ненавистью добавляла:

– Ох, мерзавец! Мер-за-вец!

В конце концов Денисии надоело.

– Хорошо, скажи хоть, что делать теперь собираешься? – отчаявшись, спросила она.

Зойка оторвала от руля голову, вытерла слезы и зло прошипела:

– Завтра выскажу все банкиру, заберу свои шмотки, и поминай как звали.

Денисия ужаснулась:

– Куда?

– Да хотя бы к Сашке.

– Дурочка, он же воюет. Куда ты к нему? В Чечню? И банкир твой совсем не дурак. Мигом разнюхает, куда ты ушла, и Сашке все о тебе доложит. Думаешь, Сашка простит?

Зойка горестно затрясла головой.

– Не простит. А что же делать? – спросила она, беспомощно глядя на Денисию.

– Самое главное – не пороть горячку, сестренка.

Уж не знаю, что ты там увидела, но, чуёт сердце мое, лучше о том промолчать. Сама посуди, твои высказывания что-нибудь изменят?

Зойка махнула рукой:

– Нет, конечно. Мерзавец банкир кем был, тем и останется.

ся.

– Зато у тебя в жизни наступят огромные перемены. И все не к лучшему. Нет, – подытожила Денисия, – по-любому признаваться банкиру нельзя. Тайну его подслушала, на ус намотай и помалкивай до лучших времен. Куда спешить? Кто знает, что завтра будет? Как говорил Ходжа Насреддин, завтра или падишах умрет, или ишак сдохнет, или со мной что-нибудь приключится. Может, твоего банкира на днях паралич разобьет, может, ты станешь юной вдовой.

Короче, Зойка, если клянешься держать рот на замке, без всякого раритета пойду на свидание к Сашке.

Зойка, презрительно дернув плечом, процедила сквозь зубы:

– Теперь без тебя обойдусь. Сама пойду и плевать я на банкира хотела. Пускай делает со мной все, что хочет, я его не боюсь.

Денисия вздохнула, с жалостью головой покачала и принялась увещевать:

– Глупая ты глупая. Эка невидаль, банкира она не боится. Зато Сашку потерять боишься. Если выследит банкир, куда ты ушла, считай – и Сашка все знает. Ты же год с лишним парня морочишь. Ждать обещала, а сама бегом, вприпрыжку замуж. Ах, влюбилась! Ах, разлюбила! А Сашка верит, невестой считает тебя, на мобилу звонит, письмами с фронта забрасывает, строчит стихи о любви... Эх ты, стерва! – в сердцах заключила Денисия.

Зойка взвыла, хватая сестру за руки, и лихорадочно зашептала:

– Я не стерва, не стерва, я люблю его, по-сумасшедшему его люблю, но кто виноват, что он нищий?

Я денежки собираю. Сашка придет с войны, брошу банкира, уедем туда, где он нас не найдет. Квартиру купим, машину купим, детей родим. Клянусь, Денька, все так и будет.

Болью и ревностью Денисию обожгло. Она яростно вырвалась из цепких рук Зойки и зло отрезала:

– Ну так и молчи, если есть ради чего.

– Хорошо, – решительно согласилась Зойка. – Буду молчать. Уж недолго осталось. Зато потом всем о подонке так развоню, что мало ему не покажется, а пока буду молчать. Скоро Сашка с войны придет, через год, вот тогда этой мрази все слезки мои отольются. Так опозорю его через Пыжика. Пыжик за информацию эту еще и приличные денежки выложит.

Мстительный задор в глазах Зойки вдруг мгновенно угас. С испуганной растерянностью она уставилась на сестру и с мольбой вымолвила:

– Денька, ты пойдешь на свидание?

– Пойду, – отворачиваясь, сердито буркнула Денисия.

– Без раритета пойдешь?

– Сказала же...

Зойка радостно взвизгнула:

– Какая ты у меня бескорыстная!

– Почему бескорыстная? – удивилась Денисия. – Ты же обещала молчать.

– Да-да, конечно, – подтвердила Зойка.

– Тогда вези меня домой. Я устала.

Глава 6

Нет, этой ночью ей не работалось. Да и сколько там до утра – вот-вот рассвет. Денисия решительно отодвинула от себя старофранцузский словарь. Какой уж тут перевод. Из головы не шла таинственная история с банкиром.

«Что же Зойка могла подслушать? Любопытно до жути. Даже Сашка Гусаров на второй план отошел.

Кстати, за этим банкиром забыла спросить, когда Александр приезжает».

Денисия зевнула: «Зеваю, а спать не хочется. Телевизор, что ли, включить?»

Ночной канал демонстрировал грудастую деву, та неплохо пела, но пошло ухмылялась и преотвратнейше трясла тосцей задницей. Денисии не понравилось, но выключать телевизор она не стала. На диван прилегла, не раздеваясь, пледом укрылась и задумалась.

Обо всем. О Сашке (как он там?), о банкире (гад настоящий), о Зойке (нет от нее покоя), о Степке (до смерти пирожки надоели), о Федьке (завтра снова придется топтать в гостиницу, дежурить за нее, что тоже не сахар), о Пыжике (надо к нему забежать)...

В последней мысли мелькнул пижон. Перед ним почему-то было стыдно, под ложечкой заныло чувством вины... А потом Денисия отрубилась. Не заснула, а именно отрубилась.

лась: вот она была и... нет ее, труп – хоть из пушек пали, не разбудишь.

Проснулась так же мгновенно, как и заснула. Обнаружила себя уткнувшейся лбом в спинку дивана – вот почему тяжело дышать. И тут ее словно током прошило: голос! Знакомый голос прямо над ухом!

Замерев от ужаса и не решаясь отлепить от спинки дивана лоб, Денисия лихорадочно размышляла: где она слышала этот голос, чей он?

Будто обухом по голове сознание выдало ответ: пижон! Его небрежные интонации, словно принуждают беднягу, словно не по своей охоте трещит.

А пижон трещал, ох как трещал! Быстро и вдохновенно говорил что-то там про какие-то трудности, про права и прочие дела...

«Да на кой мне его проблемы? – рассердилась Денисия. – И вообще, как он сюда попал? Как нашел меня? Как в квартиру вошел?»

– Так ты следил за мной, наглец! – гневно закричала она и, вскочив с дивана, наткнулась глазами на холеную физиономию пижона.

Он хитро улыбался и обещал:

– Думаю, это будет для вас приятной неожиданностью.

Пижон пялился на нее с экрана телевизора, точнее, на экране. Это событие Денисия восприняла как еще большее чудо.

«Так вот где я его видела, – прозрела она. – Это же модный тележурналист Матвей Аронов. Чуть ли не каждый день крутят по ящику его программы, а он кочует из одной в другую: из развлекательной в политическую и обратно. Вон оно что! Оказывается, телезвезда мой пижон!»

Долго млеть от прозрения Денисии не пришлось – позвонила Федора, гаркнула в ухо:

– Денька, ты не забыла, что сегодня дежуришь за меня в отеле? На тебе пятнадцать номеров и три вип-персоны. Не забыла?

На экране возник знаменитый правозащитник Эльдар Валев – как всегда, элегантен, одет с иголочки. Он и был приятной неожиданностью, обещанной телезрителю Ароновым.

– Нет, про дежурство я не забыла, – не отрывая жадного взгляда от Валева, ответила сестре Денисия, – но это еще вопрос. После обеда точно тебе сообщу. Так что слишком там не расслабляйся.

– Чума-а-а-а, – капризно пропела Федора и исчезла из оглохшего уха.

Потом в это бедное ухо залезла Степка со своими чебуречками: очень интересовалась она вчерашней торговлей. Потом позвонила Зойка, но не успела открыть и рта.

– Сашка когда приезжает? – с ходу спросила Денисия и, чтобы лучше слышать, выключила телевизор, невзирая даже на Валева.

Зойка вздохнула:

– Пока не знаю сама. Он на днях должен мне сообщить. Я для него специально отдельную мобилу купила, только редко он мне звонит.

– Чаще не может, – успокоила сестру Денисия. – Сашка все-таки на войне, а не в Булонском лесу на прогулке. Банкир твой из командировки вернулся?

– Ждем-с.

– А рот на замке?

Зойка хихикнула:

– Помнишь, висел у отца на двери мастерской старинный трехкилограммовый?

– Еще бы, – усмехнулась Денисия, – он мне палец вдребезги на ноге разбил, упал, зараза. До сих пор на погоду тот палец ноет. Гирия, а не замок.

– Так вот мой рот именно на таком, – сообщила Зойка. – Я тут обдумала все хорошенько и пришла к выводу, что ты права. Надо молчать.

«Значит, точно молчать будет». Страшный груз упал с души Денисии.

– Вот и молодчина, – похвалила она сестру. – Ну ладно, потом поболтаем. Я на занятия опаздываю.

У меня сегодня зачет.

В круговерти дня Денисия намертво забыла про Матвея Аронова, а он про нее не забыл.

История с беляшами-пирожками-чебуреками позабавила Матвея Аронова, но не только. Растерянно глядя вслед улич-

ной торговке, он почувствовал болезненный укол...

Да что там укол, удар наотмашь... Хуже – боксерский мастерский хук его самолюбию: ОНА ЕГО НЕ УЗНАЛА!!!

Не узнала, а льстецы, подхалимы, бесчисленные прихвостни, льнущие к его могущественному семейному клану, убедили Матвея, что он – секс-символ.

«Лимитчица недавно в Москву приехала, а в их деревне „ляктричества немає“, ну не смотрела она телевизор», – успокаивал себя Аронов, но это был ответ лишь на половину вопроса.

Оставалось в загадках: почему эту лимитчицу не впечатлил он сам красавец мужчина? Может, он не в ее вкусе?

Ерунда, так не бывает. В обморок шмякнуться от счастья должна бы, беляшница-чебуречница, голытьба, позорная телка. – , Матвей настолько взвинтился, что даже поехал мириться с гоп-стоп-моделью Эмилией – назло невзрачной лимитчице... Ха, спрашивается, с чего...

Не помогла и красotka Эмилия. Утром, не успел проснуться, – в голову мысль: ОНА НЕ УЗНАЛА!

Матвей даже матерно выругался, от чего, вопреки моде, себя отучал. Нет, он неженкой не был – нормальный мужик. И все же лежал и думал: «Не нарцисс, от себя не кончаю, так к чему эти мысли?

Подумаешь, не понравился. Понравился, да виду не пода- ла. И вообще, сколько можно о ней мозги свои парить? Всякие бабы бывают, мыслей на всех не напасешь. Да и что за

дела? Выбросить дуру из головы!»

Но «дура» из головы не выбрасывалась. Так весь день ее и проносил, несмотря на то, что невпроворот работы. Даже работа не отвлекла.

Вот зацепила!

Вот обозлился!

Во заклинило!

Сам от себя не ожидал...

Матвей упрямый, долго сопротивлялся, выталкивал, выпихивал ее из головы всевозможными доводами, но бесполезно. Ближе к ночи смирился. Отправляясь на свидание к оперной примадонне – из наших, но мировая известность, из самой Италии припылила, – по привычке обкатывал будущее действие. Что примадонне скажет – что та ответит ему – пойдут куда или останутся да и прямо там, в номере...

Короче, прикидывал, размышлял – обычный мужской тренинг. Дура, разумеется, рядом, от Матвея ни на шаг, за ним телепается, щедро уснащая все его мысли язвительными комментариями. И по-французски. По-французски, которого Матвей практически не знал, слов сто, не больше – а она по-французски шпарит. Какие нервы нужны, чтобы это сносить?

Он шагал по коридору гостиницы и ругал почему-то себя, а не Дуру. Последними словами ругал:

«Мудозвон с автодозвоном, лох, заплинтусное чмо, портянка...»

С этими мыслями он приблизился к номеру примадонны и, заметив приоткрытую дверь, присвистнул:

– Фю-ють, а меня уже ждут.

Постучав, небрежно вошел и... увидел ее, свою дуру.

Даже со спины, даже в смешной и кокетливой униформе горничной он сразу ее узнал. Нет, не узнал, скорее почувствовал. Нагло и самозабвенно она примеряла шляпку примадонны у громадного зеркала. Так увлеклась, даже не сразу просекла, что уже не одна в номере, а когда его отражение вдруг заметила, испуганно отскочила и, пряча шляпку за спиной (вот глупая, это у зеркала-то?), нервно спросила:

– Вам кого?

– Хозяйку номера, – наслаждаясь своей властью, высокомерно изрек Матвей.

Она вспыхнула:

– Так вы Аронов?

– А разве не сильно заметно?

Тут уж она смешалась совсем. Бросилась извиняться (и за себя, и за примадонну), пересыпая слова вины возгласами восхищения...

– Ах, это вы! Простите, я здесь прибиралась... Ну надо же, это вы! Сеньору вызвали, срочно... Сказать, не поверят, сам Аронов! Ой, мамочки! Сеньора мне приказала вещи сложить... Неужели вы и вправду Аронов?!

Ничего не понял Матвей, лжет она или действительно лишь сейчас узнала, кто он на самом деле.

И то благодаря оперной диве. Ничего не понял Матвей. Ясно было одно: его перезрелая примадонна отсутствует и явится не скоро, а тут юная горничная демонстрирует стройные ножки – зачем же зря время терять? Решение пришло мгновенно.

– Может, займемся экстремальным сексом? – спринтерски сбрасывая с себя пальто, деловито осведомился Аронов.

– Это как? – растерянно пятясь, спросила она.

– Это со мной, – ухмыляясь, ответил он и тут же, ни секунды не медля, с наглой небрежностью завалил ее на сексодром оперной дивы.

Все состоялось классически: его Дура сначала сопротивлялась, вопила, что они не знакомы, жениха поминала, девичью честь, но ему было очевидно: больше всего она боится утратить место в отеле.

– Успокойся, – шепнул Матвей, – на кой тебе эта гостиница? Ты рождена для подмоштков. Звездой быть хочешь?

– Хочу.

– Сделаю тебя звездой, но небескорыстно. Истину знаешь?

– Какую?

– Если хочешь быть звездой, поработай-ка кой-чем...

Он думал, она обидится, но как бы не так. Пошла работать – сразу видно, трудолюбивая... Да и он не ленивый.

Черт возьми, что творили они – бедный сексодром! Да что сексодром все вдребезги!

«Видела бы примадонна», – в страстном пылу сражения тел вдруг подумал Матвей, но лучше бы он так не думал.

Накликал. Явилась. Спрашивается, с чего? Обещала же задержаться...

Не задержалась. Фурией ворвалась, нарушая магию совокупления. Впервые сумел оценить Матвей силу ее уникального голоса! Наконец-то понял Матвей, чем восхищается за граница: как кричала она, его примадонна! Как кричала! Даже пощечины жгли не так, как пронзительное сопрано, принимающее до глубины души, прошибающее сквозь мясо до самых костей – ультразвук отдыхает.

А сколько страстного драматизма: было все – от тривиального заламывания рук до радикальных попыток покинуть через окно оскверненный похотью номер. Ох и давала она им жару! И не кое-как, не спустя рукава, а с полной отдачей, с пафосом, экстатично, воплощая в реальность большое искусство...

Что там говорить, примадонна есть примадонна.

Матвей обалдел и утратил над примадонной контроль, чего с ним раньше не случалось. Бурная жизнь плейбоя многому научила: и не в таких переделках бывал, не из таких аварий выкручивал, а тут сплеховал. Но зато добился, чего хотел: секс действительно удался экстремальный. За пределы номера вылетели оба: он – без брюк, она...

Совсем голая.

Правда, чуть позже примадонна остыла и выбросила ее

униформу, но с мстительной угрозой сообщить о художествах горничной самому президенту.

Возникал вопрос: президенту чего? Страны или отеля? И то и другое казалось скверным. Матвей расстроился, бедняжка хуже – сразу в слезы. Жалкая, ползает по ковру, вещи свои собирает и вое-ет.

Не выдержало сердце Матвея. Прижал он ее к себе, шепнул: «А ну-ка, по-быстрому скройся», – и пошел улещать примадонну.

Всю ночь улещал.

Работал как проклятый. Трудился, не покладая...

Думал уже, не простит. Лишь под утро старушка смирилась. Отпустила его, томно вымолвив:

– Сегодня уезжаю, дружок. Удивил. В книге отзывов напишу благодарность той горничной. Как имя ее?

Матвей растерялся:

– Не знаю.

Примадонна смеялась до слез:

– Ах, нахал! Настоящий мужчина!

Прощались уже друзьями навеки. Матвей даже в верности клясться затеялся, но примадонна остановила его и, пряча влюбленность в мудрых глазах, кокетливо распорядилась:

– Ну, иди, иди уж, утомил, через месяц приеду.

Изволь не опаздывать.

Удаляясь, Матвей с наслаждением закурил и подивился: «Гениальная баба! И что старушка во мне нашла? Видимо,

прав мой предок: я просто счастливчик».

И тут его осенило: «А что эта чебуречница в дорогом отеле делала? Элитное место, она же еще вчера торговала на вынос. Видать, мастерица на все руки от нужды, а не от скуки. Ну, да бог с ней, какое мне дело? Теперь про нее можно смело забыть».

В душе действительно наступила привычная и такая сладкая свобода – на лимитчицу было плевать.

Свобода, свобода, свобода...

Глава 7

Но свобода длилась недолго. На следующий день Матвей отправился по делам и наткнулся на чебуречницу – просто напасть. Она с воплями: «Беляши!

Пирожки!» – как ни в чем не бывало величаво катила свою тележку, на него не взглянув.

Как можно его не заметить?

Матвей сначала остолбенел, а потом догнал ее и, скрывая досаду, приветливо крикнул:

– Здравствуй, красавица!

Она, снова не взглянув на него, безразлично бросила: «Хелло», – и горласто продолжила: «Беляши!

Пирожки! Налетай! Подходи!»

– Да вот же я! – возмутился Матвей. – Уже! Налетел-по-дошел! Что ж не кормишь?

Она вынуждена была обратить на него внимание: в лице мелькнула растерянность. Мгновение – и, всплеснув руками, чебуречница восхитилась:

– Аронов! Сам Аронов! Полный отпад!

– Да, это я, – подтвердил он и сгреб девицу в охапку, утаскивая ее в авто.

Там все и состоялось. Она кричала: «Тележка!

Моя тележка!» – но не слишком сопротивлялась.

А когда Матвей успокоил ее: «Все потери тебе возме-

щу», – и вовсе стихла. Но отдалась как-то вяло, без огонька.

– Ну и где же твое вдохновение? – недовольно спросил он, поспешно приводя в порядок костюм.

Она, натягивая потрепанные джинсы, кивнула на лобовое стекло:

– Так люди же ходят, центр Москвы.

Матвей усмехнулся:

– Эка невидаль, люди ходят. Они ходят везде, а я летать тебя приглашаю, возноситься, парить... Нет, вижу, не хочешь ты стать звездой.

Она разволновалась:

– Страшно хочу! Приходи завтра, сам увидишь.

Я и завтра здесь буду...

– Завтра я занят, прощай. – Он многозначительно открыл перед ней дверцу.

Сникнув, она вылезла из машины и уныло покатила свою затрапезную тележку по улице. Покатила уже без прежнего задора. «Беляши, пирожки», бубнила она вялым голосом.

«Совсем охренел, трахаю кого попало», – подумал Матвей, равнодушно глядя ей вслед и рассеянно поворачивая ключ в замке зажигания.

Благодаря своему кретинизму на деловое свидание он опоздал, о чем, впрочем, не жалел нисколько: истина дороже. Теперь нет сомнений, он по-прежнему секс-символ, доказательством чего послужила эта убогая шлюшка.

И довольный, Аронов, газанув, помчался по улицам го-

рода. В наивной радости своей он не замечал логического прокола: если девица шлюшка, то совокупление с ней вовсе не доказывает, что он секс-символ. Зачастую даже напротив. Аронов же ликовал.

И опять недолго. Через несколько дней, утром, выходя из Большого (был там по делам), он столкнулся с ней лицом к лицу. Как обычно в таких случаях, слегка напрягся – сейчас начнет приставать, навязываться, лезть с укорами...

Но как бы не так: девица ему равнодушно кивнула и мимо прошла. Он и рта раскрыть не успел.

Мгновенно в голове Матвея появились две мысли на одну и ту же тему, можно даже сказать, одинаковые:

«Недурная у нее фигура» и «Неплохо сложена».

Вот как сильно он растерялся. Не ожидал. Изумленно остолбенев, долго смотрел ей вслед: столько, сколько позволяли прохожие. Лишь когда девица скрылась из виду, побрел к своему автомобилю, гадая, в чем секрет ее равнодушия. Тут он вспомнил, как небрежно в последний раз с ней поступил, как едва ли не пинками из машины выгнал...

Вспомнил и успокоился: «Обиделась».

И снова занозой засела девица в его голове: «Если обиделась, тогда кивала зачем? Просто прошла бы мимо, делая вид, что не заметила. Нет, так ей не годится, надо же мне продемонстрировать свое презрение. Но презрения она как раз и не демонстрировала».

Все сходилось к тому, что странная она, эта девица, со-

всем непонятная. Обескураживала она Матвея.

И это при всем его (многообразном) знании женского материала. Впрочем, именно знание это и послужило капканом. Другой бы, менее опытный, вряд ли странность в девице заметил.

Дальше – хуже. Несколько дней спустя, спеша по делам, Матвей снова увидел девицу в окно своего авто. Она мерзла. В обтрепанном старомодном прикиде топталась у памятника – довольно жалкое зрелище. Вывод напрашивался один: проезжай мимо – смотреть не на что. Но Матвею показалось странным, что он так часто на нее натывается. Действительно, в мегаполисе в течение шести, от силы десяти дней уже пятая встреча. Мелькнула глупая мысль: «А если это судьба?»

Матвея передернуло. Он себя обругал:

– Типун на язык! Кто она и кто я? Между нами пропасть, бездна.

Но почему-то подумалось: «Даже имени ее не знаю».

И нога упала на тормоз. Он заспешил. «Черт, развернуться нельзя, можно только остановиться, но не возвращаться же мне пешком».

Сам не зная зачем, Матвей выскочил из авто, пошел, побежал, опасаясь, что девица уйдет – от памятника он успел прилично отъехать.

Чебуречница не ушла. Одиноко стояла, озираясь по сторонам. Матвей догадался: «Кого-то ждет». Заметив его, она

слегка растерялась, но признала, кивнула и... отвернулась.

Матвей такого приема не ожидал. Но упрям – завернул за памятник, с другой стороны зашел:

– Привет!

– Здравсте, – равнодушно кивнула она и... опять отвернулась, даже досадливо сморщила лоб.

«Капризничает, – решил он. – Делает вид, что гордая».

Матвей дернул ее за рукав и спросил:

– Как зовут-то тебя?

Она сердито оглянулась:

– Зачем вам?

Матвей напомнил:

– Мы же были на «ты».

Ее тонкие брови поползли вверх:

– Разве?

Он потерял терпение:

– Ну хватит прикидываться, мы знакомы. Даже более чем.

Осталось друг другу представиться. Кто я – ты знаешь. Я тоже знаю кое-что о тебе.

В ее взгляде промелькнул интерес:

– И что же?

Матвей ухмыльнулся:

– Ты продаешь пирожки, в гостинице номера убираешь, в промежутках учишь старофранцузский...

На языке вертелось: «И порой неплохо трахаешься, если мало вокруг людей». Однако, вспомнив прошлую встречу,

Матвей не решился девуцу злить и закончил вполне прилично:

– Короче, ты весьма необычная особа. Так скажешь, как тебя зовут?

– А разве я не представилась?

– Сама знаешь, что нет.

Она усмехнулась:

– Что ж, так и быть, скажу. Меня зовут Денисия.

– Денисия?

– Да.

Матвей зачем-то хулигански присвистнул:

– Фю-ють.

– Что – фють? – спросила она.

– Очень красивое имя.

Девуца удивилась:

– Вы находите?

– Слушай, хватит, давай на «ты», – рассердился Матвей.

– А зачем? Думаете, мы еще встретимся?

Он внимательно всмотрелся в ее лицо и наконец заметил на красивом высоком лбу дурацкую, слишком короткую челочку.

«Раньше ее не было», – вспомнил Матвей и, не удержавшись, спросил:

– Зачем ты челку отстригла?

Она вспыхнула:

– Что, не идет?

Матвей улыбнулся:

– Да нет, ничего. Ты с ней озорная.

Подумав, он добавил:

– Но все равно необычная.

Надо было уходить, да и спешил он. Однако первая ушла она.

Загадочно взглянула на него, обронила:

– Это вы еще не все про меня знаете. Не удивляйтесь, если завтра встретите меня, к примеру, на приеме у посла Франции, – и убежала.

Матвей проводил ее растерянным взглядом и увидел, как повисла Денисия с криком восторга на крепкой шее гиганта:

– Сашка-а-а! Долгожданный мой! Мой родно-ой!

– Ну, здравствуй, любимая! Здравствуй, невеста! – прозвучал в ответ густой бас. – Заждалась? Не я опоздал, поезд подвел.

Гигант подхватил Денисию на руки и закружил, закружил, закружил... Их губы слились в поцелуе.

«Значит, его ждала. Значит, он и есть жених. Спецназовец, не иначе», подумал Матвей, одновременно испытывая и уколы ревности, и комплекс неполноценности.

Еще бы, пигмеем он почувствовал себя рядом с этим огромным парнем: у гиганта имелось то, чего не хватает многим мужчинам.

«Такую комплекцию ни за какие бабки не купишь», – с завистью отметил Матвей, наблюдая пылкую встречу влюб-

ленных.

Несомненно, влюбленных. Уж в чем, в чем, а в этом Матвей разбирался. Вдруг горько стало ему.

Спрашивается, с чего?

Уже в машине он набрал номер французского посольства и поинтересовался, будет ли там прием, и если будет, то когда. Ему ответили, что будет завтра вечером. Матвей обмер: «Ну и дела...»

Но, поразмыслив, он пришел к выводу, что никаких дел как раз и нет: просто девчонка случайно узнала о приеме в посольстве и ему сказанула для шика. Цену себе набивает.

Сделав такой вывод, Матвей тем не менее принял все меры, чтобы попасть на прием. Когда же среди политиков, дипломатов и прочих гостей промелькнул ее до неузнаваемости изменившийся образ, Матвей подумал: «Вот тебе и Денисия. И с послами чирикает, и пирожками на вынос торгует. Мата Хари, не иначе».

Во все глаза он смотрел на чебуречницу и с удивлением констатировал, что она красива. С собранными в сложную прическу волосами, в струящемся по статному телу платье – даже ослепительна. Во всяком случае, так ему показалось.

Очень хотелось к ней подойти, но Матвей заробел. Спрашивается, с чего? С послами по-французски говорит, но дала же ему в отеле. И потом, в авто, тоже дала безропотно, так ему ли робеть?

«Сам черт ее не разберет, эту Денисию, – потягивая чу-

десное французское вино, подумал Матвей. – Может, она извращенка? Платье на ней бешеных бабок стоит, не говоря о бриллиантах, так зачем пирожками торгует? И в отеле прислуживает...»

Когда она его все же заметила, Матвей напрягся: признает или не признает. Взгляд красавицы равнодушно скользнул по его лицу.

«Не признала», – огорчился Матвей.

И ошибся. Денисия снова на него взглянула и приветливо сделала знак. Он сорвался с места, не подошел – подлетел:

– Здравствуй, принцесса огорошина!

– Здравствуй, парень преткновения, – усмехнулась она и серьезно добавила:

– Хочу вам два слова сказать, для меня это очень важно, но не сейчас. Чуть позже найдете меня?

Матвей, скрывая восторг, кивнул с пониманием и отошел.

И больше ее не увидел.

После приема еще долго болтался у посольских ворот, все ждал, вдруг выйдет, вдруг затерялась в апартаментах, кто ее знает, Денисию эту? Такая способна на все...

Но не вышла...

Домой Матвей отправился с решительной уверенностью в ближайшие дни ее отыскать. Зачем, он не знал, но планировал: «В отеле администратора попытаю, у оперов поспрошаю, кто на их участке пирожки продает, да и загляну на досуге в список приглашенных в посольство. Куда она денет-

ся? Найду.

Что я, не журналюга? И не таких находил, когда припирало».

А приперло его здорово. Однако непонятно, откуда сомнения взялись. Сознание точил червь: «Не найдешь».

И червь не обманул. Не нашел Матвей Денисию.

На следующий день из вечерних новостей своего же канала он случайно узнал, что на даче Воровского – широко известного и влиятельного финансового деятеля – нашли труп его родственницы, Денисии Гронской. Огнестрельное ранение в голову. В убийстве подозревается ее родная сестра, жена Воровского – Зоя Гронская. Следствие разрабатывает бытовую версию...

Матвей похолодел. Денисия – редкое имя. Очень редкое. Охваченный плохими предчувствиями, он метнулся к редактору новостей.

– Какой-нибудь видеоматериал по Воровскому есть?

Тот нехотя проямлил:

– Да есть кое-что, оперативка, но не рекомендовали в эфир запуливать.

Матвей подался вперед:

– Покажи!

Редактор равнодушно кивнул на полки с видеоматериалом:

– Смотри, там ничего интересного нет. Сам Воровский от интервью наотрез отказался, а жена его в розыске.

– А что говорят «следаки»?

– Предполагают, что убийство произошло на почве личных отношений. Не поделили что-то сестрички.

– Посмотрим...

Жутко нервничая, Матвей вогнал кассету в гнездо, цепеня, прилип к экрану... Материала действительно было немного – кадр за кадром, и все не то, но вдруг мелькнуло ее безжизненное лицо, ее короткая челочка.

«Это ошибка, ошибка, – уговаривал себя Матвей, на видеоходе отматывая пленку назад. – Вот!

Вот!»

Он дал стоп-кадр. «Нет, не ошибка... Она! Денисия! Та же челочка...»

– Знал ее? – поинтересовался редактор, заметив, как побледнел Матвей.

– Да, видел вчера на приеме в посольстве. Хотела мне что-то важное сообщить.

Редактор оживился:

– Сообщила?

Матвей горько покачал головой:

– Не успела. Я потерял ее и потом не нашел.

– Эх, ну что же ты! – редактор с досадой резанул рукой воздух. – Знала что-то она, потому и погибла. Да-а, лоханулся ты, брат, упустил сенсацию.

– Кто ж мог предположить, что ее убьют, – растерянно ответил Матвей.

От редактора он ушел на ватных ногах. Со щемящим чувством утраты, непоправимого горя.

Спрашивается, с чего?

Глава 8

Так и не рассказала Зойка, что увидела на даче той ночью. Роковой ночью.

Так и не рассказала. Впрочем, больше Денисия и не пыталась сестру, успокоилась, понадеялась на ее расчетливость, благоразумие. Да и жизнь не стояла на месте – замотали дела. И свои и чужие. То Федька загрузит своим отелом, то Степка – чебуреками. А тут еще Сашка Гусаров вот-вот нагрянет...

Ну, да это приятное. К встрече с Александром Денисия готовилась не только мысленно. Мечты мечтами, а в порядок надо себя привести: костюм в химчистку отнести, сапоги в починку отдать и прочее. С прочим было сложнее, но тут в стороне не осталась и Зойка. Каждый день звонила, жужжала в ухо:

– Смотри там, Денька, не посрами, а то Сашка меня разлюбит.

Денисия сестру успокоила:

– Как же, разлюбит. Он однолюб. Раз втрескавшись, будет всю жизнь любую тебя обожать, хоть модную, хоть затрапезную.

Зойка довольно рассмеялась:

– Здесь ты права, но все же сходи в салон косметический, маникюр сделай, педикюр. Да, – спохватилась она, – ты челку себе отстригла?

– Нет еще, потом отстригу, – сердито пробурчала Денисия, не терпевшая челок.

Зойка забеспокоилась:

– Забудешь потом. Ты же у нас деловая. Замотаешься и попрешься на свидание без челки. Сашка мигом расколет тебя.

– Да нет, не расколет, не забуду я, – возразила Денисия, но Зойка оказалась права.

Чуть так и не вышло. Ведь каждый день Александра ждала, вздрагивала от каждого звонка – это Зойка, вот-вот скажет: «Приехал!» Костюм из химчистки висел на гвоздике на двери на вешалке, сапоги от сапожника стояли под ним, с набойками, до блеска начищенные. Денисия в прохудившихся ветеранах-кроссовках «чапала» по морозу, лишь бы не трогать эти обновленные сапоги...

Готовилась-готовилась, и вот – Сашка приезжает, а она не готова. Зойка примчалась с проверкой и ужаснулась: «Нет челочки!»

Сразу шум подняла, сразу в крик:

– Хочешь нас разлучить? Подставить меня? Еще на свидание припрись и скажи: «Я – Денисия, пришла вместо Зойки. И не в первый раз так делаю, вру, обманываю, цирк устраиваю». Извергиня ты! Извергиня! – набросилась Зойка на сестру с кулаками.

– Да ладно тебе, – отбивалась Денисия. – Большие дела, сейчас отчекрыжу. Ты сама уж несколько лет как не носишь

этой дурацкой челки, а все требуешь от меня.

– Да, не ношу, – согласилась Зойка, – но Сашка об этом не знает. Он меня с челкой любить привык. Сейчас же покажи, в чем пойдешь, – потребовала она.

Денисия показала; Зойка снова в крик:

– Костюм?! Да разве же я надену костюм на свидание? Да еще потертый такой!

– Знаю, ты в бальном платье попрешься, – усмехнулась Денисия, – но бальных платьев нет у меня, да и Сашка их не одобряет. Вернется к себе на войну и будет душу на части рвать: как там моя Зоенька, не метет ли хвостом? В разные стороны. Ишь в каком наряде ко мне приплыла. Видать, поклонников у нее тьма-тьмущая.

Зойка ударилась в размышления, нервно сунула ноготь в рот, но, вспомнив про маникюр, одумалась и внимательно его осмотрела: не поцарапала ли? Убедившись, что не поцарапала, удовлетворенно хмыкнула и согласилась с Денисией:

– Ты права, нельзя наряжаться. Скромность украшает. Хотела тебе мою шубу дать, но не дам. Иди в своем старом пальто. Так надежней.

Потом они стригли Денисии челку, затем о детстве своем поболтали, о шалостях, матушку помянули, всплакнули...

А потом Зойка домой упылила, взяв с Денисии слово, что перед свиданием та непременно к ней забежит. Очень хотела Зойка со стороны на себя поглядеть, на ту, на прежнюю, да и дать заодно сестренке последнее наставление: как стоять,

как хихикать, как кокетничать...

Будто бы в первый раз. Все равно Денисия делала все по-своему, но Сашка Зойку не разлюбил. Обожал ее, несмотря на то, что была Денисия на свиданиях вовсе не Зойкой, а самой собой – конечно, если не учитывать дурацкой челки.

Но что такое челка? Только портит лицо. Именно поэтому в глубине души Денисия надеялась, что Сашка любит ее, что ее принимает за Зойку. Впрочем, это были мечты.

На следующий день, как договорились, Денисия ждала от Зойки звонка. Александр должен был звякнуть ей и конкретно назначить встречу: место-час-день, а уж Зойка – Денисии все передать. И она передала:

– Денька, прямо сегодня, в четыре часа, у памятника...

– Ты с ума сошла! – запаниковала Денисия. – Почему так поздно предупреждаешь?

– А я чем виновата? – начала оправдываться Зойка. – Он с поезда мне позвонил: «Уже еду, приеду – сразу к тебе».

– Ясное дело, в этом весь Сашка, но ты-то, ты!

Не могла, что ли, встречу на завтра перенести?

– Не могла! Он в Москву всего на четыре часа!

– О, боже!

Денисия бросилась собираться: мыть волосы, красить ногти, глаза...

Про Степку (с ее чебуреками) вспомнила в последний момент. Какое свидание? Как раз в это время должна Денисия тележку за Степку катать по городу.

Не продаст пирожки – выгонит Степку хозяин. Останется дурища без денег и без работы.

«Что делать? Что делать?» – Денисия заметалась.

Оставалось одно: положиться на великодушные хохлушки.

Нарядная Денисия помчалась к Зинаиде:

– Выручайте, пожалуйста!

Вредная Зинаида, ехидно прищурившись, пристально глянула:

– А ты куда?

– На свидание.

– Что ж раньше не предупредила?

– Сама только что узнала. Он всего на четыре часа в Москву приезжает.

– Откуда?

– Из Чечни.

Зинаида усмехнулась:

– Поэтому принарядилась?

Денисия виновато пожала плечами:

– А куда деваться?

– Правильно сделала, – одобрила Зинаида. – Привыкла Ахрюткой ходить, а теперь я вижу, что ты красавица.

Денисия замахала руками:

– Какая там красавица, вот Зойка – это да! Настоящая красотка!

– Тю-ю, вы же с ней близнецы, – удивилась хохлушка.

– Оно-то так, но Зойка нас всех красивей.

– Скажешь тоже...

– Да-да, это потому, что вы Зойку нашу не видели...

– Да все я видала, – пошло заржала Зинаида и спохватилась:

– Ладно, некогда мне здесь лясы с тобой точить. Раз дело такое – на работу пошла собираться.

И она удалилась, игриво напевая: «Ах, Зоя-Зоя-Зоя, кому давала стоя... колечко золотое...»

Вздыхнув с облегчением, Денисия помчалась к сестре. Зойка, придирчиво взглянув на нее, все сразу забраковала:

– И глаза я крашу не так, и губы не те...

– Черт с тобой, топай сама к нему на свидание, – рассердилась Денисия.

– Ладно, сойдет, – мигом пошла на попятную Зойка. – Ты, главное, это, смейся побольше. Уж больно ты, Денька, серьезная. Сашка не любит таких.

Я всегда хохочу, что бы он ни сказал.

– Знаешь ты, каких он любит, – проворчала Денисия и подумала: «Как же, стану я ржать без причины. Дуру нашла».

Уже прощаясь, Зойка забеспокоилась:

– Денька, ты что, с ним целуешься?

Та зло пошутила:

– Нет, в карты режусь и водку жру.

– Правду скажи, целуетесь?

– Конечно, я же при нем за тебя.

– И как?

– Да взасос, как еще парень с девкой целуются?

Зойка схватилась за голову:

– Мама моя дорогая! А если в постель потянет тебя?

– Сразу дам.

– Что дашь? – растерялась Зойка.

– А все, чего ни попросит, – злорадно сообщила Денисия, с сожалением понимая, что Сашка совсем не такой.

Не попросит. Вбил себе в голову, что у них с Зойкой чистая любовь: до женитьбы ни-ни. Как только Зойка выкручиваться собирается? Того и гляди, на первую брачную ночь отправит Денисию роль девственницы играть. Это как раз ее, Денисии, роль, чего никак не скажешь про Зойку.

А она, услышав признание, с кулаками набросилась на сестру:

– Ах, дашь! Дашь ему?! Вот ты какая! На! Получай! Получай!

И била так больно. Обиделась Денисия: дождалась наконец благодарности.

– Иди ты к черту! – заплакала она и, оттолкнув Зойку, умчалась. Никуда не пойду!

– Как не пойдешь? – растерялась та, мгновенно одумываясь:

– Денька! Вернись!

– Не вернусь!

– А сюрприз у меня!

– К черту сюрприз!

– Денька, остановись! – рискованно перевесившись через перила, взмолилась Зойка на весь подъезд. – Я просьбу твою выполнила!

Денисия замерла и, запрокинув голову, уставилась на сестру:

– Какую?

– Приглашение на прием к послу Франции у банкира выклянчила, прошептала Зойка.

– Что?

– Вместо меня ты пойдешь...

– Когда? – с трудом скрывая восторг, спросила Денисия.

– Вернешься, скажу.

Мгновенно забыв обиду, Денисия вернулась и услышала от сестры:

– Завтра.

– Зойка, ты самая лучша-ая! – взвизгнула она.

И это была правда. Знает Зойка, чем угодить сестре...

– Ой, а как же завтра? – растерялась Денисия, вспомнив, что завтра она должна перед Зойкой подробно отчитаться о свидании: что Сашка сказал, что она ответила...

– Послезавтра поговорим, – махнула рукой та. – Обидно, конечно, так не терпится, но тут уж не мы, а посол назначает день, когда у него прием.

– Ты героиня! – восхитилась Денисия, прекрасно понимая, какой подвиг совершает ради нее сестра.

Много подвигов. Сначала перед банкиром своим унижа-

лась, на коленях ползала, вымаливая приглашение. Банкир жену любить-то любит, а напрягаться ради нее не спешит. Можно представить, каких стараний стоил Зойке прием. А потом еще надо было как-то себя уговорить от него отказаться в пользу сестры. А Зойка до всяких приемов жутко охочая, а тут еще прием у самого посла Франции, страны – законодательницы мод. Там бы Зойке блистать и блистать, а она – нет! И все ради сестры. Да еще на следующий день после свидания с Сашкой...

Как утерпит она, как от любопытства не умрет?

Загадка...

Нет, Денисия не врала – Зойка действительно героиня!

Все это прочитав в глазах сестры, Зойка благородно ее успокоила:

– Ничего, завтра ты за платьем вечерним ко мне придешь и про Сашку вкратце расскажешь, а потом уже, послезавтра, я, как выберу время, так сразу тебе позвоню. Тут уж мчись, не раздумывай, где бы ты ни была.

– Мигом примчусь, – преданно глядя Зойке в глаза, пообещала Денисия. А туфли мне дашь? На прием нельзя без туфель, а у меня их нет. Не идти же в кроссовках. Да и те просят каши, рваные, жуть.

– Все подберем по высшему классу, – заверила Зойка. – Даже бриллианты дам поносить. Только не потеряй – банкир меня грохнет.

– Ой, спасибоочки! – восторженно заскулила Денисия.

Ей очень хотелось в соответствующем виде на прием явиться. На бриллианты она и не рассчитывала: тут не до шику, лишь бы народ не шарахался.

А тут и туфли, и платье, может, еще что-нибудь: сумочку или заколку... Если так, то пойдут дела!

Конечно, Денисия зашла от благодарности, но Зойка по-своему все поняла и сестру надменно оборвала:

– Не благодари, для себя я стараюсь. Завтра в газетах напишут, что жена Воровского среди дипломатов блистала красотой, бриллиантами и отменным французским. Ха-ха, французским, которого я отродясь не знавала. Ты уж, пожалуйста, Денька, и на старофранцузском там стишок какой сверни. Пусть знают наших.

– Вверну, – пообещала Денисия, мысленно усмехаясь невежеству Зойки, ведь на старофранцузском не говорят. – Для этого и рвусь на прием.

В «Общество старофранцузского» мечтаю пробиться, наверняка и оттуда кто-нибудь будет.

– Дай тебе бог, – пожелала Зойка и тут же пригрозила:

– А с Сашкой, смотри, не целуйся. Поколочу!

– Не нравится, иди целуйся сама, – рассердилась Денисия и соврала:

– Не слишком мне это по вкусу.

– Ну, потерпи-потерпи, немного уже осталось, – спохватившись, начала уговаривать Зойка.

И Денисия радостно полетела «терпеть».

Глава 9

Там, у памятника, с трепетом поджидая Сашку, она вдруг поняла, почему, умирая, именно за нее волновалась мать. Не такая, как сестры, Денисия, другая, совсем другая – вот что она поняла наконец...

Поняла не все сразу, конечно, а прозревать точно начала после беседы с Ароновым – откуда он только взялся, пижон, на ее бедную голову? Как черт из коробочки выскочил и давай душу ей бередить. Изуродовал, гад, свидание с Сашкой, испохабил ей все, омрачил трепом своим дурацким.

Услышав про их встречу в гостинице, Денисия похолодела, впрочем, лишь смутно догадываясь, что там произошло. Уже позже, расставшись с Сашкой, она понеслась к Федоре и узнала страшную весть:

Федька спала с Ароновым!

– Распутница! Как ты могла? – в отчаянии закричала Денисия.

Не догадываясь об истинных страданиях сестры, Федора посетовала:

– А как тут не дать, когда сам Аронов?

– О, боже! – схватила за голову Денисия. – Оказывается, шалава моя сестра!

– Ничего не шалава, – обиделась Федька и с гордостью сообщила:

– Он обещал меня сделать звездой!

– А сделал п...ой! – впервые в жизни выматерилась Денисия.

Федора остолбенела:

– Ты че ругаешься?

– А как тут на тебя не ругаться? Ты же подставила! Подставила меня!

– Как? – изумилась Федора.

– Очень просто. Он думал, что ты – это я. Какой ужас! Дорвоты противно! Сегодня с вопросами ко мне приставал, а я стою, рот открыв, ну дура-дурой.

– Так вы знакомы?!

Денисия пожала плечами:

– Не то чтобы очень. Так, один раз в ресторан меня приглашал...

– А ты?!

– А я на фиг его послала. Некогда мне с хлыщами по ресторанам ходить. Быстренько Степкины пирожки ему сторговала и помчалась перевод для Добрыниной делать. Ларка злится уже. Целый месяц ей обещаю, да никак не сделаю. Скоро Ларка меня побьет.

Толкнуть столь длинную речь Денисии удалось лишь благодаря столбняку, напавшему на бедную Федьку. Она хватала воздух накрашенным ртом и дико глаза тарасила, силясь переварить нечеловеческую глупость сестры.

– Фан-тас-сти-ка! – в крайней степени изумления только

и смогла выдохнуть она, но зато, когда оторопь спала, ох и песочила Федька Денисию, ох и песочила.

– Ха! Ларка ее побьет! Да я сама тебя щас побью! – завопила Федора. Охренела совсем! Аж целый Аронов! Целый Аронов ее приглашал в ресторан, а она отказалась! Принцесса, бля! Кто ты такая? Да я сразу ему дала! Там, где стояла, там и дала! Не сходя с места! И дала бы еще, но он не просил!

– Нашла чем хвастать, – не веря своим ушам, проямлила Денисия.

Бедняжка испытала шок. Наивно всю жизнь полагая, что сестры ее (кроме ветреной Зойки) приличные девы, она прозревала опасно, до нервного тика, до боли в груди. Казалось, вот-вот хлопнется в обморок. Федора же напирала. – Как ты не поймешь? – вопила она, желая сестре только добра. – Без денег, без родственников, мы здесь никто! Один только шанс выбиться в люди...

Денисия сестру предварила:

– Знаем твой шанс: зацепить мужика. Что, убогая? Да? На себя не рассчитываешь?

– Нет, не убогая! Просто, как все, иду по пути наименьшего сопротивления. Зачем мне лишние заморочки? Учиться, карьеру делать, корячиться – это все длинно. А я раз-два и в дамках.

– В каких дамках? В ловушке. Бесплатный сыр бывает только в мышеловке. Зойке не так повезло, как кажется. Да и где ты путевого мужика найдешь?

Мужики вообще в нашей стране дефицитный товар, каждый день растут в цене, зато бабы – наоборот. Их у нас полное перепроизводство. Ха, приличного мужика она подцепить собралась!

– Да, хочу подцепить богатого мужика! По-твоему, я зачем в отель устроилась? Из любви к уборке?

Мания, что ли, у меня намывать полы?

Заподозрить в этом сестру Денисия уж никак не могла и молча потрясла головой.

– То-то и оно, – продолжила Федора. – Здесь мой единственный шанс приличного мужика подцепить. В элитное общество нам, провинциалкам, путь заказан, а замуж идти за такого же нищего, как и я, – сумасшествие, даже не глупость. Вот и пристроилась я в отель, что, кстати, было совсем нелегко. А как же?

Здесь только нам и путевка в жизнь. Бедные-то по таким отелям не шабляют. Вот Зойка подцепила банкира и живет припеваючи, так чем я хуже? Внешне мы одинаковые.

– Хорошо, – согласилась Денисия, – раз тебе нужно, ты подцепила. Считай, повезло: нашла богатого жениха. Не сегодня, так завтра свадьба, вот верность ему и храни. Зачем же блудить?

– Нет, ну ты смешная! Дурочкой-то не прикидывайся. Не на луне живешь. Во-первых, я не то подцепила, что Зойка, а хуже. Гораздо хуже. А во-вторых, как тут не блудить, когда обстоятельства требуют? Целый месяц приставал адми-

нистратор, за задницу все украдкой щипал: «Ах, попка! Какая попка!» Попробуй ему не дать, мигом вылетишь!

Денисия посоветовала:

– А ты бы директору пожаловалась на него, глядишь, и не вылетела бы.

Федора сначала будто окаменела, а потом выпалила:

– Слушай! А это идея! Как я сама не допетрила?

Всю изломала голову, с чем бы к директору подкатить, да как тут подкатишь? Он же величина! Я ж для него пустое место. Мимо проходит и не глядит. Говорю же тебе, сестренка, они нас в упор не видят, буржуи. Смотрят на нас как на белых мышей. Администратора и того еле-еле на потрахунчик подбила. Уж как только не соблазняла его, до чего не додумывалась. Гору бабок убила на кружевные трусы. Месяц!

Говорю тебе, месяц полы в его кабинете мыла, не шваброй – руками! Месяц перед ним крутилась рачком, жопой вертела, пока заметил меня, тьфу, старый козел.

От такого признания Денисия едва не обезумела.

– Так ты сама соблазняла его?! – хватаясь за сердце, спросила она.

– А то! – рассмеялась Федора. – Сам, что ли, на меня запал-запрыгнул? Как же, держи карман шире.

За него тут вся гостиница парится. Тьма охотниц, таких же, как я. Всем что-то нужно. Да только я всех обскачу! Куда им до меня? У меня гора амбиций! Вот с директором классно ты мне подсказала. Теперь запишусь на прием по личным

вопросам, пожалуй, на администратора, да и... Короче, не буду загадывать, – суеверно остановилась Федора, – как сложится, так и сложится. Администратору дала, бог даст, и директору дам, – оптимистично заключила она.

– Бога-то хоть не поминай в делах своих грешных, – попросила Денисия, прислушиваясь к шуму в ушах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.